

ПОЛТАВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Священныя изображенія.

(Продолженіе).

III. Наши заключенія.

Находятся такіе, что на основаніи 2-й заповѣди: „не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія... не поклоняйся имъ, и не служи имъ иконы зовуть идолами, а поклоняющихся имъ идолопоклонниками. Будемъ и мы по отношенію къ себѣ строгими зададимъ себѣ въ заключеніе два вопроса: повинны ли мы въ идолопоклонствѣ? и повинны ли, вообще, въ чемъ-либо, когда употребляемъ иконы?

Итакъ, сперва разрѣшимъ, есть ли основаніе винить поклоняющихся иконамъ въ идолопоклонствѣ.

Иконы, говорятъ, суть кумиры. Почему спрашиваемъ мы? А потому-де, что они—дерево, золото, дѣло рукъ человѣческихъ, не двигаются, не говорятъ и т. д. Но судите сами, основательно ли такое разсужденіе, если у Истиннаго Бога, по слову Писанія, всегда были угодныя ему рукотворенныя святыни, напр. ковчегъ, змій, херувимы?! Въ матеріалѣ и происхожденіи отъ рукъ человѣческихъ нѣтъ различія между кумиромъ и святыней Иеговы, и легко смѣшать одно съ другимъ. Вотъ существенное отличіе идола отъ иконы: идолъ, по смыслу священнаго писанія, есть изображеніе языческаго ложнаго бога, а на иконахъ обычно изображаются Пресв. Троица, Божія Матерь, св. Ангелы и св. Божіи человѣки. Скажите, что же тутъ общаго между

христіанской иконой, напр., Спасителя, херувима, св. ап. Павла и вѣрой татарской, китайской и всякой другой нехристіанской? Очевидно, что въ двухъ только случаяхъ иконы могли бы стать идолами: если бы онѣ были изображеніями ложныхъ божествъ, или-если бы священное писаніе гдѣ-либо назвало кумирами изображенія Истиннаго Бога, св. Ангеловъ и угодившихъ Господу Богу праведниковъ¹⁾. Но, что изображаютъ на христіанской иконѣ, это извѣстно каждому; а что образъ Спасителя, Богоматери, Ангела, Святого нигдѣ въ писаніи не называнъ кумиромъ, это видно хотя бы изъ того, что наши сектанты и до сихъ поръ такого мѣста не нашли, да и нельзя найти, чего нѣтъ. Такимъ образомъ, вполне ясно, что икона не идолъ, а потому и поклоненіе и служеніе предъ ней Господу, во всякомъ случаѣ, несправедливо называть идолопоклонствомъ; въ идолопоклонствѣ мы неповинны.

Но не повинны ли мы, вообще, въ чемъ-либо, когда чтимъ св. иконы?

Намъ говорятъ—а) херувимы, ковчегъ, змій—установленія ветхаго завѣта, а въ новомъ они не нужны. Правда ли это?—Нѣтъ, такого утвержденія, на основаніи слова Божія, нельзя принять. Во-первыхъ, Спаситель именно въ ветхозавѣтномъ храмѣ со всѣми его установленіями, т. е., и изображеніями сказалъ „домъ Мой домомъ молитвы наречется для всѣхъ народовъ, а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ“. (Марк. 11, 11—17; Ис. 56, 7), а св. Павелъ, упоминая о дѣлахъ Антихриста предъ вторымъ пришествіемъ Христа, пророчествуетъ, что и въ тѣ поры въ храмѣ христіанскомъ будутъ святыни и называемое Богомъ (2 Фесс. 2, 4) таково буквальное свидѣтельство слова Божія. Вторыхъ, изъ ветхозавѣтныхъ установленій считаются ненуж-

¹⁾ Впрочемъ икона была бы идоломъ еще и тогда, когда бы считали ее не за изображеніе, а за Самого Бога. Но какъ смотреть на иконы наша Церковь, это видно изъ православнаго катехизиса (Простр. Хрис. Катехизисъ, Москва 1894 г. стр. 89). На вопросъ, что есть икона, катехизисъ отвѣчаетъ: „Слово сіе съ греческаго значитъ образъ или изображеніе. Въ православной Церкви симъ именемъ называются священныя изображенія Бога, явившагося во плоти, Господа нашего Іисуса Христа, Пречистыя Его Матери и св. Его“.

Таково ученіе Церкви. Если же кто суевѣрно чтитъ икону какъ Самого Бога, то нужно наставить его въ томъ, какъ учить наша Церковь. Впрочемъ о такихъ суевѣрныхъ христіанахъ приходилось не болѣе, какъ только слышать.

ными для новаго завѣта тѣ, которыя были только дѣтвователями ко Христу, тѣмъ даннаго намъ во Христѣ Иисусѣ, но отнюдь не всѣ законы и установленія. (Гал. 3, 24—25; Римл. 3, 31; Евр. 7, 16—19; Колосс. 2, 16—17; Евр. 10, 1. 8—9; Матѣ. 5, 17—18; Ис. 54, 7) — оставлены кровавыя жертвы агнцовъ, ибо пришелъ подлинный „Агнецъ Божій, взявшій на Себя грѣхи міра“ (Ев. Іоан. 1, 19), суббота ветхозавѣтная, ибо кончился тотъ завѣтъ, знаменіемъ котораго она была (Исх. 31, 16—17) — новомѣсячія и др. еврейскіе праздники (Колосс. 2, 16—17), ибо они, въ общемъ, напоминали тѣ благодѣянія, какія совершилъ Господь только для народа израильскаго и т. д. и т. д. Что же касается ветхозавѣтной скиніи, ея рукотворенныхъ изображеній и другихъ святынь, то вся она, вообще, за исключеніемъ немногаго, устроена была по образу истиннаго святилища — самого неба (Евр. 9, 21—24), а, въ частности, ея святыни были вещественнымъ напоминаніемъ того, что и теперь должно составлять главный предметъ вѣры для каждаго христіанина — Невидимаго Бога, Спасителя, и неба, обиталища ангеловъ, какъ надежду будущей нашей вѣчности. Кто же возьмется сказать, что въ наше время не нужно почаще, а то и постоянно, напоминать объ этихъ драгоценнѣйшихъ предметахъ каждому христіанину всякими способами, въ томъ числѣ, и вещественными святынями храма? Нѣтъ, и по своему внутреннему смыслу, какъ вся скинія, такъ и ея святыни ничуть не потеряли значенія для новаго завѣта ¹⁾).

¹⁾ Конечно, древняя скинія со всѣми ея обрядами и установленіями, поскольку отразилось на ней ветхозавѣтное несовершенство, при переходѣ къ христіанству нуждалась въ значительномъ исправленіи (Евр. 9, 8—10). Такъ, чтобы показать евреямъ, что до Христа никому не было открытъ путь въ истинное небесное святилище, Богъ воспретилъ имъ входить въ главную часть храма — святое святыхъ (Евр. 9, 6—8), а въ святилищѣ могли быть только священники; теперь же весь народъ стоитъ предъ завѣсой храма и нашимъ святымъ святыхъ — алтаремъ, гдѣ на св. престолѣ въ Пречистомъ Тѣлѣ и Пречистой Крови возсѣдаетъ Самъ Христосъ, а входить въ алтарь не только священнослужители, но и вѣрующіе. Далѣе, покамѣстъ откровенія Бога были недостаточны и существовала постоянная опасность, что избранный народъ можетъ смѣшать изображеніе Господа съ кумирами разныхъ народовъ, тогда вещественный образъ Бога — ковчегъ завѣта не могъ быть совершеннымъ изображеніемъ Господа (Исх. 33, 18—23; Втор. 4, 15—19); теперь же, когда Богъ открылся людямъ, насколько это для нихъ возможно, когда къ вѣрѣ Христовой стали приходять познавшіе сущность идолопоклонства и потому имѣвшіе точное понятіе объ идолахъ, когда, вообще, прошло время увлеченія кумирами (Исаія 6, 1—5;

— Намъ говорятъ, в) что почитатели иконъ уподобляютъ Божество золоту, серебру, камню, дереву, что ясно воспрещено (Дѣян. 17, 29). Но это обвиненіе ничѣмъ незаслужено, ибо тѣ, которые принимаютъ иконы, ни на одну минуту не забываютъ, что Богъ есть духъ, а не что—нибудь подобное золоту, дереву, камню, и сходство между иконою и Божествомъ всякій вѣрующій полагаетъ не въ веществахъ, изъ какихъ она сдѣлана—не въ золотѣ, серебрѣ, камнѣ и деревѣ, но въ тѣхъ видахъ, какіе изображаются на иконѣ, и въ какихъ Богу угодно было открываться людямъ: какъ видно, здѣсь нѣтъ ни суевѣрія на счетъ существа Божія, ни вымысла человеческого. Вѣдь недумалъ же стоявшій въ храмѣ Іеговы предъ образомъ херувима, будто у херувимовъ природа такая же вещественная, какъ это было у священныхъ изображеній!? А вотъ тѣ, которые говорили дереву: „ты мой отецъ“, камню: „ты родилъ меня“, идолу своему: „спаси меня, ибо ты богъ мой“, т. е., считавшіе своихъ идоловъ за настоящія божества, дѣйствительно, уподобляли существо Божіе веществамъ: золоту, камню и другимъ. Къ такимъ, именно, идолопоклонникамъ, не вѣдавшимъ Истиннаго Господа, и обращалъ свою рѣчь Ап. Павелъ (Кор. 2, 27; Ис. 34, 17; Дѣян. 17, 16. 22—23. 28—20). Къ намъ же она не относится.—Говорятъ: с) изображать Бога совсѣмъ нельзя. Но мы спросимъ у говорящихъ это: гдѣ она нашли подобныя слова запрещенія? и т. какъ ихъ съ буквальной точностью въ писаніи нѣтъ, то, во имя братской любви, попросимъ ихъ свое мнѣніе провѣрить, а покажутъ обратитъ вниманіе на слѣдующее. Во-первыхъ, въ ветхомъ завѣтѣ деревянный ковчегъ былъ образомъ Невидимаго Бога, и въ этомъ смыслѣ прилагалось къ нему Имя Бога (Числ. 10.

Дан. 7, 9, 13—14; Фил. 2, 5—7; Лук. 3, 22; Іоан. 1, 14, 18; 14, 8—9; Кол. 2, 9; 1 Тим. 3, 16; 1 Корин. 12, 2; Ис. 27, 9; 2, 20) то стало и возможнымъ и безопаснымъ изображать Бога такъ, какъ онъ благоволилъ открываться людямъ—имѣть для глазъ такое же по полнотѣ вещественное изображеніе Пр. Троицы, Спасителя, Его страданій, Вознесенія и т. д., какое слышимъ въ словахъ откровенія. Наконецъ, когда существовала древняя скинія, тогда ковчегомъ завѣта и херувимами видимо представлялось все духовное небо—Господь и Его ангелы, ибо людямъ еще не былъ открытъ доступъ во святилище (Евр. 9, 8; 11, 39—40; Мат. 11, 11; Римл. 3, 9—10, 23), но нынче тамъ же, гдѣ тьмы ангеловъ, тамъ и торжествующій соборъ праведниковъ (Евр. 12, 22—24), а потому, чтобы нашъ храмъ и теперь въ полнотѣ представлялъ все духовное небо, нужно, чтобы между его святынями были образы и святыхъ Божіихъ чело­вѣковъ.

35—36), а потому напоминаніе Бога посредствомъ вещественныхъ предметовъ не составляетъ исключительной особенності новаго завіта. Во-вторыхъ, когда ветхозавѣтному Израилю при горѣ Хоривѣ Богъ не явилъ своего образа, то Самъ же Онъ объясняетъ это однимъ только желаніемъ предохранить Евреевъ отъ кумировъ, изображающихъ божества всѣхъ другихъ народовъ, но не указываетъ на то, чтобы Ему неугодно были Его изображенія; такимъ образомъ, ясно, что Господь сокрылъ отъ людей Свой образъ и тѣмъ лишилъ ихъ возможности дѣлать Его изображенія не безусловно и не навсегда, а лишь на то время, когда и для вѣрующихъ существовала опасность увлечься идолопоклонствомъ (Втор. 4, 15—19). И, въ третьихъ, когда „Богъ явился во плоти“ и въ Немъ обитала полнота Божества тѣлесно“, когда „Духъ Святой нисшелъ въ тѣлесномъ видѣ, какъ голубь“ (1 Тим. 3, 16; Кол. 2, 9; Луц. 3, 21—22; Иоан. 14, 9) и т. д., тогда для вѣрующихъ открылась полная возможность имѣть изображенія Господа, согласныя съ тѣми видѣніями и образами, въ какихъ Онъ являлся людямъ. Выходитъ, что изображать Господа не грѣховно, а послѣ закончившагося въ новомъ завітѣ откровенія Бога человѣку во всей доступной для этого послѣдняго полнотѣ и возможно. — Говорятъ: d) Богъ воспретилъ дѣлать изображенія мужчины и женщины (Втор. 4, 16), а у православныхъ въ храмѣ—и Николай, и Варвара, и др. Итакъ, не грѣшимъ ли мы тѣмъ, что допускаемъ на иконахъ лики праведныхъ мужей и женъ?—Нѣтъ и, именно, по слѣдующимъ причинамъ: прежде всего, воспрещеніе относилось только къ тѣмъ мужчинамъ и женщинамъ, которые изображались на кумирахъ, относились къ языческимъ божествамъ и вели къ поклоненію богопочитаемымъ у разныхъ народовъ тварямъ, но не относились ко всякому изображенію человѣка (Втор. 4, 16—19; Іез. 23, 14—15)¹⁾; потомъ въ храмѣ, устроенномъ по образцу, какой былъ показанъ Пр. Іезекіилю, были и лица человѣческія (Іез. 41, 1. 17—19); наконецъ мы, изображая на иконахъ тѣхъ людей, которые засви-

¹⁾ Здѣсь такой же ограниченный смыслъ, какъ и въ словахъ заповѣди: „Не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія того, что на небѣ вверху“ (Исх. 20, 4). Нельзя относить ихъ ко всему, безъ исключенія, тому, что на небѣ, ибо тогда между идолами оказались бы и херувимы (Исх. 25, 18; Псал. 98, 1), а очевидно, только къ тѣмъ предметамъ, которые изображались на идолахъ и почитались у язычниковъ за боговъ.

дѣлствованы въ дѣлахъ вѣры и праведности, подобно писанію (Евр. 11, 1--40), располагаемъ вѣрующихъ къ такой же богоугодной подвижнической жизни, какую вели святые, а вѣдь дерево, чрезъ которое бываетъ правда, благословенно!—Винять православныхъ и въ томъ, е) что иконы у нихъ въ большомъ употребленіи не только въ храмахъ, а и въ домахъ. Но, если икона дѣло Богу угодное, то можно ли винить христіанъ въ усердіи, трудѣ и пожертвованіяхъ для умноженія этихъ святынь? Да, по слову пророческому, и надлежало исполниться тому, чтобы „даже на конскихъ уборахъ было начертано: святыня Господу (Зах. 14, 20).—Говорятъ еще, что теперь не нужно употреблять ладону и свѣтильниковъ, какъ это было въ ветхомъ завѣтѣ. Но и это невѣрно: во-первыхъ, и оиміамъ и свѣтильники нужны намъ для того, чтобы нашъ храмъ точнѣе напоминалъ служеніе Господу на небесахъ (Откр. 8, 3—4; 4, 5); во-вторыхъ, и то, и другое употреблялось среди христіанъ и при апостолахъ (Дѣян. 20, 7—8; Филип. 4, 18); въ третьихъ, куреніе ладона напоминаетъ молитвы святыхъ, а свѣтильники пламень вѣры и чистоту сердца—очевидно, что и тотъ и другой смыслы не потеряли значенія и для христіанъ.—Наконецъ, обвиняютъ насъ и за то, что нѣкоторыя иконы объявляются чудотворными. Но развѣ это противорѣчитъ писанію? Вѣдь исцѣлялись же взиравшіе на мѣднаго змія? умеръ Оза отъ прикосновенія къ ковчегу? остановился токъ крови отъ прикосновенія къ одеждѣ? и, вообще, освобождались чрезъ платки и опоясанія отъ болѣзней и злыхъ духовъ (Числ. 21, 9; 2 Цар. 6, 7—7; Марк. 5, 27—29; Дѣян. 19, 11—12)! И какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, такъ и отъ святыхъ иконъ проявляется чудотворная сила не дерева, золота, серебра или камня—самого по себѣ безжизненнаго вещества, но отъ Живого Бога (Числ. 21, 8; 2 Цар. 6, 7; Марк. 5, 30; Дѣян. 19, 11; Псал. 71, 18) ¹⁾.

¹⁾ Вотъ, напр., перечень нѣкоторыхъ лицъ, получившихъ чудесную отъ Бога помощь предъ Козельцанскимъ образомъ Богородицы: дочь графа Капниста, сынъ козака с. Солоницы, Кременчугскаго уѣзда Петръ Григорьевъ Пилипенко, дочь козака Бродчанской волости с. Васильевки Елисавета Павлова Тараненко, с. Бреусовки Кобелякскаго уѣзда нищій-слѣпецъ Иванъ Лось, с. Богачки Миргородскаго уѣзда крестьянка Александра Шепелова, сынъ мѣшанина изъ города Кобелякъ Николай Котько, города Новогеоргіевска мѣшанка Александра Павлова, м. Новой Праги мѣшанинъ Иванъ Коваленко, с. Рожкова Дмитровскаго уѣзда Курской губ. солдатка Гликерія Билинова (Обр. Козельц. Божіей Матери сост. Прот. С. Гаврилковъ. Полтава. 1883 года).

Итакъ, что мы, почитатели иконъ, совершаемъ идолопоклонство, этого наши обвинители доказать не могутъ; а всѣ остальные предъявляемыя къ намъ обвиненія, частію не имѣютъ никакого основанія, а въ своемъ большинствѣ, исходятъ изъ отрывочнаго, односторонняго, а потому и неправильнаго толкованія разныхъ мѣстъ священнаго писанія.

Остается намъ изъ всего, что сказано отъ писанія о священныхъ изображеніяхъ и объ идолахъ, сдѣлать окончательные выводы: вотъ они!

1. Идолъ есть изображеніе какой-либо твари, признаваемой у какого-нибудь народа за божество. У грубѣйшихъ кумирь почитался за Самого Бога. Возлѣ этихъ истукановъ держался весь языческій обрядъ, отъ нихъ же распространялся и развратъ въ жизни. Поэтому, даже вождѣлннный взглядъ на идола у поклонниковъ Истиннаго Бога Израилева считался грѣхомъ, а пророки очень много удѣлили своихъ рѣчей на обличеніе идолопоклонства.—На иконѣ же изображеній языческихъ божествъ не бываетъ; съ языческимъ обрядомъ и развратнымъ ученіемъ у нея ничего общаго нѣтъ, ибо предъ иконами возносятся молитвы Тому, о Комъ по правдѣ поютъ „надъ всѣми людьми Богъ нашъ“, совершаютъ установленное Спасителемъ таинство Причащенія и проповѣдываютъ Его св. Евангеліе; наконецъ, никто не чтитъ иконы за божество. Поэтому, ни одно слово писанія не именуетъ иконы кумиромъ, да и, въ самомъ дѣлѣ, что у нея общаго съ кумиромъ? Итакъ, слова заповѣди: „не дѣлай себѣ кумира“ ничуть не должны смущать почитателей Св. иконъ—между иконой и идоломъ большая пропасть.

2. Изъ того, что въ ветхозавѣтномъ храмѣ были ковчегъ завѣта, на которомъ нарицалось имя Господа, и множество херувимовъ, и этотъ, именно, храмъ ¹⁾ объявленъ Спасителемъ домомъ молитвы для всѣхъ народовъ, пришедшихъ къ Богу о Христѣ Иисусѣ; изъ того, что даже и во времена Антихриста будутъ въ храмѣ христіанъ святыня и называемое Богомъ открывается, что и въ храмѣ новаго завѣта должны быть священные изображенія. При этомъ, ковчегъ, какъ

¹⁾ Скинія и храмъ существеннаго отличія между собой не имѣли кромѣ внѣшняго, и, именно, состоявшаго въ томъ, что скинію можно было разбирать по частямъ и переносить съ мѣста на мѣсто, а храма нельзя; но какъ это отличіе несущественно, то слово Божіе и скинію называетъ храмомъ (I Цар. 1, 9) и храмъ скиніей (Иез. 41, 1).

несовершенный образъ Господа, такъ какъ это и Богу не противно и для людей, послѣ всей полноты пророческихъ и, особенно, новозавѣтныхъ откровеній, стало возможнымъ — ковчегъ замѣненъ также вещественными образами Бога, но изображающими Его во всей открывшейся намъ полнотѣ, напр., явленіе Пр. Троицы, Рождество Христово, положеніе Спасителя во гробъ и т. д.; ¹⁾ а для того, чтобы нашъ храмъ своимъ устройствомъ отображалъ все нынѣшнее духовное небо, и какъ Богу не противно изображеніе лица человѣческаго, то необходимо, чтобы въ немъ были образы и св. Божіихъ человѣковъ: пророковъ, апостоловъ, ликъ Стефана и т. д.

3. Наши каженія и молитвы предъ иконами, оиміамъ, свѣтильниками и лампы не только не противорѣчатъ священному писанію, ибо все это было въ храмѣ Ісговы, но даже, болѣе того, и буквой новаго завѣта, и своимъ внѣтреннимъ смысломъ, напоминающимъ самыя дорогіе предметы вѣры — молитвы святыхъ, будущее наше предстоаніе Лицу Божію и всему небесному Іерусалиму, долгъ горѣть пламенемъ сердца и свѣтитъ жизнью и т. д. — всѣ они въ христіанскомъ храмѣ даже требуются.

4. Вслѣдствіе громаднѣйшаго вреда отъ кумировъ для вѣры и благочестія пророки строго осуждали идоловъ и идолопоклонство, грозили за нихъ судомъ, проклятіемъ и разными наказаніями; но по отношенію къ рукотворнымъ святынямъ Бога Израилева не только ничего подобнаго не говорили, но даже обличали всякое неуваженіе къ нимъ со стороны вѣрующихъ. Очевидно, главная суть идолопоклонства заключалась не въ матеріалѣ или художествѣ, не въ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи не бесполезно сравнить пророчество Іереміа 3, 14—17 и слова Ап. Павла II Фесс. 2, 4. Первый предсказываетъ что въ христіанскія времена, когда всѣ народы погекуть во Іерусалимъ ко Господу, не будетъ ковчега, не будутъ ходить къ нему, вспоминать о немъ; такимъ образомъ, по словамъ Іереміа въ храмѣ христіанъ не должно быть того ковчега на которомъ одномъ нарицалось Имя Господа, (II Цар. 6, 2). Второй же утверждаетъ, что даже въ конечные дни сего видимаго міра въ храмѣ христіанъ будетъ святыня, называемая Богомъ. Такимъ образомъ, если и устами Іереміа, и устами Павла пророчествовалъ одинъ и тотъ же Богъ (Евр. 1. 1—2; Петр. 1, 21), а потому объ одномъ и томъ же не можетъ быть у одного „да“, а у другого „нѣтъ“ то для примиренія обоихъ пророчествъ остается одно: принять мысль, что въ новозавѣтномъ храмѣ Имя Божіе должно нарицаться не на ковчегѣ, а на другихъ святыняхъ храма, напр., на иконахъ.

происхожденіи отъ рукъ человѣческихъ, не въ безжизненности и др. подобныхъ свойствахъ истукановъ—всѣ эти внѣшнія свойства были и у святынь Господа Иеговы, но, вообще, во лжи и страшномъ духовномъ вредѣ отъ идоловъ для человѣчества.

Въ заключеніе, скорбь по братьямъ во Христѣ, отпадающимъ отъ единой съ нами вѣры, побуждаетъ меня сказать о тѣхъ причинахъ, какія мѣшаютъ имъ правильно разрѣшить вопросъ объ иконопочитаніи. Первая—отрывочное толкованіе разныхъ мѣстъ слова Божія: начиталь про дѣло рукъ человѣческихъ, и сразу относитъ его къ иконѣ, потому что она ему ближе всего, а надъ тѣмъ, чтобы изучить и принять во вниманіе все, сказанное про дѣло рукъ, не потрудился. Надо же каждое мѣсто писанія толковать въ связи и согласіи со всѣми другими мѣстами. Вторая причина—это буквализмъ, узость и односторонность въ толкованіи. Говорятъ, напр., что Богъ въ словахъ: „сдѣлай изъ золота двухъ херувимовъ на обоихъ концахъ крышки“ (Исх 25, 17), дозволилъ изображеніе только двухъ херувимовъ; но мы, на основаніи священнаго-же писанія, никакъ не можемъ согласиться съ этимъ и увѣряемъ, что въ дозволеніи двухъ было разрѣшено и сколько—угодно, въ дозволеніи на крышкѣ ковчега было разрѣшено и во всѣхъ мѣстахъ храма, въ дозволеніи изъ золота было разрѣшено и изъ дерева и всякаго другого матеріала (3 Цар. 6, 21—36; 2 Цар. 3, 7. 10—12).—Далѣе, и здравый смыслъ, и слово Божіе одинаково убѣждаютъ насъ въ слѣдующемъ: все то, что закономъ не воспрещено, а по своему смыслу и значенію не худо, но хорошо, все это должно считаться дозволеннымъ. Маріамъ со всѣми женщинами, конечно же, не согрѣшили предъ Богомъ тѣмъ, что пѣли Ему хоромъ и съ тимпанами (Исх 15, 20—21), а Давидъ и Израильтяне—тѣмъ, что играли предъ Богомъ изо всей силы на цитрахъ, псалтиряхъ, тимпанахъ, кимвалахъ и трубахъ, (Цар. 13, 7—8; 16, 5—6; 2 Цар. 6, 4—5; Пс. 142, 3); но я спрошу васъ: какой законъ разрѣшилъ имъ это? Такъ поступали праведные; сектанты жъ и многіе изъ смущенныхъ ими думаютъ иначе: у нихъ что-нибудь само по себѣ и хорошо, и ничѣмъ не запрещено, а глаза ихъ все-таки безпокойно бѣгаютъ по сторонамъ и ищутъ, „гдѣ жъ дозволено, гдѣ жъ дозволено“? Это—третья причина. Четвертая—не довольствуются разрѣ-

шеніемъ при помощи буквы священнаго писанія основныхъ вопросовъ иконопочитанія: могутъ ли употребляться сдѣланныя изъ разнаго вещества иконы, къ кому они относятся, чѣмъ оправдывается ихъ употребленіе со стороны смысла, каковы возможны обряды при ихъ почитаніи, чѣмъ отличаются отъ идоловъ и т. д., но безпокойно ищутъ буквальнаго свидѣтельства, гдѣ написано про образъ Николая, Варвары, Пантелеимона и др., т. е., по справедливому выраженію одного изъ вѣрныхъ нашей Церкви, ищутъ въ словѣ Божіемъ не того, что про иконы написано, а того, чтобы было написано, именно, такъ, какъ имъ хочется. Между тѣмъ, разъ доказана, вообще, законность изображенія относящагося къ святому и праведному существу лица человѣческаго, то отсюда само собой слѣдуетъ возможность образовъ Николая, Варвары, Пантелеимона и каждаго святаго; и, наоборотъ, хотя въ отдѣльности про Варвару и не сказано, но это ничего и не значитъ, когда доказана необходимость и возможность, вообще, изображеній святыхъ: здѣсь открывается смыслъ Апостольскаго — „Онъ далъ намъ способность быть служителями Новаго Завета, не буквы, но духа, потому что буква убиваетъ, а духъ животворитъ (2 Кор. 3, 6); и какъ искать въ Евангеліи точнаго указанія именъ изображаемыхъ святыхъ, если эти святые прославлены Богомъ во Христѣ Иисусѣ уже послѣ написанія св. Евангелія? Наконецъ, пусть сектанствующие примѣняютъ свою мѣрку къ себѣ въ какомъ-либо другомъ случаѣ, и они при искренности поймутъ ея неправильность: напр., извѣстно, что апостоль приглашаетъ вѣрующихъ воспѣвать Богу въ псалмахъ, пѣсняхъ и пѣніи духовномъ, и поэтому у сектантовъ есть цѣлые сборники составленныхъ ими псалмъ духовныхъ стиховъ для пѣнія. Возьмите любую изъ этихъ псалмъ и спросите, гдѣ про нее написано въ Евангеліи. Вамъ скажутъ, что псалмы, вообще, разрѣшены, и мы поемъ ее только на этомъ основаніи, хотя объ этомъ, именно, стихѣ и нѣтъ нарочитой рѣчи въ священномъ писаніи. Вѣрно, — но такого же порядка надо держаться и по вопросамъ иконопочитанія: и чужія, какъ и свои понятія должно повѣрять по одному и тому-же закону правды. Пятая причина — это желаніе не того, чтобы при помощи всего слова Божія твердо узнать правильное разрѣшеніе вопроса, а только того, чтобы оправдать свое мнѣніе — себя. Чѣмъ

другимъ, какъ не этимъ только и можно объяснить явное извращеніе въ толкованіи тѣхъ мѣстъ, которыя не благопріятствуютъ отвергающимъ иконы? Зачѣмъ было увѣрять, напр., одному изъ вождей нашего мѣстнаго сектантства, въ явной неправдѣ, будто царь Соломонъ тѣмъ, что много надѣлалъ деревянныхъ херувимовъ, впалъ въ идолопоклонство (бесѣда 8 Іюля 1907 года)? что при Давидѣ не было руко-твореннаго храма (а скинія развѣ не храмъ)? или другому говорить очевидную неправду, что подъ благословеннымъ у Премудраго древомъ надо разумѣть не подлинное дерево, а человѣка? зачѣмъ измышлять разныя толкованія на счетъ храма, гдѣ возседеть Антихристъ и станетъ ругаться надъ святынями и именуемымъ Богомъ въ храмѣ и т. д.? Такимъ образомъ не берутъ изъ словъ писанія того, что въ нихъ сказано, а, наоборотъ, подъ свое мнѣніе подгоняютъ смыслъ слова Божія: какъ же тутъ найтись истинѣ?

Братья соблазняющіеся и соблазнѣнные сектанствомъ! Отъ своей любви къ вамъ я собралъ много словъ и мыслей писанія, чтобы помочь вамъ увидѣть, вы ли правы въ своихъ сужденіяхъ объ иконахъ или православны. Если вы любите себя, любите свое спасеніе, то не полѣнитесь все предложенное вамъ не только прочесть, но и повѣрить по Писанію. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы ни одинъ изъ васъ послѣ этого не унижилъ, не оскорбилъ, не похулилъ святынь Господнихъ, чтобы вамъ сверхъ заботъ о любви, и въ этомъ смыслѣ не отстувить отъ Сладчайшаго Спасителя нашего къ Анти-христу, не сдѣлать того, что достойно человѣка грѣха—сына погибели! О, если бы я услышалъ сердечное ваше аминь!

(Продолженіе будетъ).

В ъ П е р е я с л а в ѣ .

(Изъ впечатлѣній поѣздки на праздникъ тысячелѣтія города)

(ОКОНЧАНІЕ).

Въ обѣдѣ, предложенномъ городской управой, участвуетъ болѣе 100 человѣкъ гостей. Вдоль огромнаго зала разставлены буквой Н столы, украшенные цвѣтами и вазами съ фруктами. Карточки съ обозначеніемъ фамиліи участниковъ обѣда указываютъ каждому свое мѣсто. Послѣ второго блюда, подѣ

окнами зала раздаются звуки оркестра, исполняющего „Боже, Царя храни!“. За столомъ проносится дружное „ура“. Чей-то голосъ подхватываетъ гимнъ, къ нему прибавляются другіе голоса,—и вотъ залъ оглашается воодушевленнымъ пѣніемъ гимна, сопровождаемымъ аккомпаниментомъ оркестра. Временами оркестръ и голоса расходятся, обгоняя другъ друга, тогда на мгновение получается какая—то рѣзкая, но торжественная какофонія, звучащая тѣмъ не менѣе чѣмъ—то приподнимающимъ.

Начальникъ губерніи поднимаетъ бокаль за здоровье Государя Императора. Тостъ покрывается громкимъ „ура“. Предлагается тостъ за Владыку; послѣ чего поется многолѣтіе. Далѣе, слѣдуютъ многочисленные тосты за Начальника губерніи, представителей города, почетныхъ гостей и т. д. Тосты встрѣчаются шумными оваціями. Изъ духовенства произносятъ рѣчи о. протоіерей Лисовскій, о. Даніилъ Данилевскій и о. Василій Ващенко.

О. Лисовскій съ большимъ огнемъ, чисто по ораторски, произнесъ слѣдующій спичъ: „То не Торки, не Печенѣги, не Берендѣи въ стремленьи шумною волною, съ обширныхъ степей юга ворвавшись въ городъ, рассыпались по улицамъ и площадямъ, пополнили и храмы, чтобы захватить обильную добычу—цѣль удалого набѣга. Это стеклись къ тебѣ, древній и славный Переяславъ, отдаленные потомки твоихъ сыновъ, пришли изъ городовъ и селъ, основанныхъ твоими выходцами и тебѣ родственныхъ, что бы въ древнихъ твоихъ храмахъ принести Господу молитву благодаренія, а на твоихъ историческихъ площадяхъ и улицахъ порадоваться съ тобою, а въ этомъ домѣ за честной трапезой почтить память твоихъ предковъ и воздать заслуженную честь твоимъ сынамъ въ лицѣ именитыхъ твоихъ гражданъ.

За здоровье г. городского Головы, гласныхъ думы и членовъ управы! Городу—слава, слава, слава!!!

Съ большимъ воодушевленіемъ произнесъ и о. Даніилъ слѣдующую застольную рѣчь: „Я позволю себѣ остановить просвѣщенное вниманіе высокопочтеннѣйшаго собранія на томъ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія нашего народа, которое совершается въ нашихъ женскихъ школахъ, совершается скромно и въ тиши, но которое прочно укрѣпляетъ религіозныя, христіанскія основы нашей женщины, семьи русской, отечества дорогого!“

Переносюсь мыслью къ хорошему прошлому времени, лѣтъ десять назадъ... Встаетъ предъ мною незабвенный величавый образъ нашего покойнаго Архипастыря, славное имя котораго золотыми буквами вписано въ первыя свѣтлыя страницы исторіи церковнаго просвѣщенія нашего Полтавскаго края, — и ярко сіяетъ передъ нами это имя, — этотъ образъ Епископа Пларіона. Весь проникнутый убѣжденіемъ и любовью къ великой и святой идеѣ образованія родины на основахъ церковныхъ, умѣлъ онъ привлечь умы и сердца людей, которые любовно и горячо внимали его зову, и въ работѣ на нивѣ школьной не знали ни утомленія, ни колебанія...

За Архипастыремъ шли пастыри, или общественныя учрежденія—городскія и земскія, или свѣтскіе люди разнаго положенія и взглядовъ,—шли съ одной мыслью дать свѣтъ чистый въ книжномъ ученіи дѣтямъ народа...

Въ длинной цѣпи людей и учреждений, поборниковъ идеи просвѣщенія, стяжавшихъ себя благодарную память съ похвалами отъ современниковъ и поколѣній грядущихъ, видное, если не первое мѣсто занимаетъ нашъ нынѣшній маститый юбиляръ—градъ достославный Переяславъ,—я говорю это, какъ человекъ близкій ему по своему рожденію, первоначальному воспитанію и службѣ прошлой—на поприщѣ пастырскомъ и церковно-школьномъ

Живо вспоминаю, съ какимъ горячимъ участіемъ, съ какой просвѣщенной заботливостью встрѣтило Переяславское городское управленіе мысль и самое дѣло созиданія въ городѣ, при церкви Борисо-Глѣбской, женской школы. Съ теплотою сердечной вспоминаю при этомъ и достопочтенныхъ дѣлателей этого славнаго дѣла:—Ивана Макарьевича Холоднаго, возглавлявшаго тогда составъ городской думы, о. Макарія Соховича, нынѣ уже покойнаго, представителя мѣстнаго церковно-школьнаго управленія, о. Георгія Богацкаго, перваго инициатора по устройству школы и перваго руководителя ея, и наконецъ, нынѣшняго хозяина ея уважаемаго о. Михаила Пономаренко, личнымъ примѣромъ дающаго образецъ любви и ревности къ сохраненію и развитію того наслѣдія дорогаго, которое досталось ему отъ его предшественниковъ...

При такихъ условіяхъ благоприятныхъ началъ свою жизнь первый расадникъ церковно-школьнаго образованія въ г.

Переяславъ. И понынѣ онъ живъ и творитъ свое славное дѣло къ великой пользѣ здѣшняго населенія. Хочется думать, что не десятками, а цѣлыми сотнями насчитываются уже теперь питомицы школы, внесшія въ свои семьи цѣлое богатство познаній о небесномъ и земномъ, цѣлое богатство добрыхъ навыковъ...

Проходя по духу Христову свое обыденное, житейское поприще, онъ медленно и незамѣтно, но зато прочно воздвигаютъ зданіе доброй христіанской жизни—у семейнаго очага. Это—благочестивыя матери, добрыя жены и чистыя дѣвы, благотворно вліяющія на всѣхъ своихъ присныхъ и окружающихъ!..

Честъ Вамъ и слава, именитые дѣятели, живые и почившіе! Честъ и Вамъ, добрые христіане, совершающіе свое просвѣтительное дѣло у очага и въ школахъ! Честъ тебѣ, славный граде Переяславъ, похвала отъ всѣхъ, а награда отъ Всемогущаго Бога!.....

Обѣдъ затянулся почти до девяти часовъ вечера. Владыка отбылъ, сопровождаемый пѣніемъ „Исполла“, вслѣдъ за нимъ начинаютъ расходиться и остальные гости.

Придя въ занимаемое нами помѣщеніе, мы застаемъ тамъ довольно многочисленное общество пріѣзжихъ священниковъ, которые, пользуясь случайной встрѣчей, проводятъ время въ оживленной братской бесѣдѣ. Присаживаемся и мы къ нимъ. Говоримъ о томъ, о семъ, „про хлѣба, про покось, про старинушку“, а въ заключеніе разговоръ, какъ и всюду теперь водится, незамѣтно переходитъ на политику, а главнымъ образомъ толкуемъ о тяжеломъ положеніи духовенства, которому съ одной стороны запрещаютъ вмѣшиваться въ политическія или правильнѣе сказать, партійныя распри, а съ другой стороны, всякаго рода усердствующіе политиканы почти насильно влекутъ его въ самый водоворотъ политиканства, причемъ чуть не оказалъ священникъ должнаго рвенія къ „дѣлу“—тотчасъ уже набрасывается на него тѣмъ „неблагонадежности“ „Пріѣзжаетъ ко мнѣ“, рассказываетъ, между прочимъ одинъ почтеннѣйшій іерей: „извѣстный г. №. организаторъ отдѣловъ союза русскаго народа. Пріѣзжаетъ рано, передъ обѣдой, рекомендуется съ величайшимъ апломбомъ, сразу давая почувствовать, что онъ—де молъ сила, а затѣмъ прямо задаетъ вопросъ: не буду ли въ претензіи,

если онъ послѣ обѣднн скажетъ на погостѣ рѣчь крестьянамъ и откроетъ у меня въ приходѣ отдѣлъ союза русскаго народа“. „Какія же съ моей стороны могутъ быть претензіи? Я вѣдь не полицейская власть, у нея Вы запаситесь разрѣшеніемъ“..—отвѣчаю ему...—„Объ этомъ я раньше подумалъ. Мнѣ желательно знать, сочувствуете ли Вы моему намѣренію и могу ли я надѣяться на Вашу поддержку. Вотъ о чемъ я Васъ спрашиваю... съ важностью объясняетъ г. №.—„Если Вы хотите знать мое искреннее мнѣніе по этому поводу“,—говорю ему: „то извольте, я готовъ сказать его. Я противъ открытія въ моемъ приходѣ какого бы ни было партійнаго отдѣла“... „Почему? Почему такъ? Извольте объяснить мнѣ“...—чуть ли не съ пѣной у рта набрасывается на меня г. №.

„А вотъ почему“; хладнокровно отвѣчаю ему: „у меня, видите ли, прихожане народъ мирный, чуждый всякой политики, свято чтущій церковь и Царя, никакихъ волненій у насъ не было, крамолы Вы у насъ не ищите, а вотъ когда Вы учредите у насъ Вашъ отдѣлъ, повѣрьте, Вы взбудоражите наше мирное населеніе, пойдутъ всякіе разговоры, явится разномысліе, а въ концѣ концовъ пожалуй возникнутъ и другія политическія партіи... Нѣтъ, ужъ прошу Васъ, не нарушайте того единства, въ которомъ пребываютъ мои прихожане, занятые мирнымъ трудомъ и слишкомъ далекіе отъ всякой политики“...

„Такъ-съ, такъ-съ“... многозначительно произноситъ г. №: „Я понимаю, батюшка, что кроется за Вашими словами... А позвольте узнать, какъ Вы смотрите на тактику революціонеровъ, на поджоги, экспропріаціи и т. д.“—словомъ, начинается самый форменный сыскъ по части моихъ убѣжденій. Я разумѣется не сталъ распространяться передъ нимъ и безъ всякаго повода выкладывать свою душу предъ совершенно постороннимъ мнѣ человѣкомъ—и вотъ въ г. результатѣ г. № объявилъ меня чуть ли не по всему уѣзду революціонеромъ, но благо, если этимъ и окончится. Эти господа нередко вѣдь прибѣгаютъ и къ пасквильнымъ доосамъ по начальству. Избѣгну ли я этого—не знаю“... Грустное впечатлѣніе рѣчей собрата мы слышимъ разсѣять надеждой, что сама жизнь выдвинетъ изъ нѣдръ народа новую, чисто русскую, національную партію, которая, удержавъ священные девизы союза русскаго народа, инымъ путемъ пойдетъ къ

достиженію блага родины, не путемъ разжиганія острой вражды и непримиримаго антагонизма, но горячимъ братскимъ призывомъ къ всепрощенію и всеобщему примиренію...

Отъѣздъ о. Никанора, которому ночнымъ поѣздомъ необходимо было уѣзжать изъ Переяслава, напомнилъ, что и всѣмъ намъ пора расходиться на покой.

На утро наша случайная „квартира“ опустѣла. Вѣрные деревенской привычкѣ подниматься съ восходомъ солнца, наши вчерашніе собесѣдники спѣшили до наступленія жары добратъся въ свои веси... Уѣхалъ и о. Василій на свою родину—въ Памфилы.

Предполагая вернуться домой пароходомъ, я долженъ былъ оставаться въ городѣ до вечера; о. Данилъ также располагалъ нѣсколькими часами свободнаго времени; вдвоемъ съ нимъ мы и отправились еще разъ посмотрѣть мѣста, съ которыми связано такъ много воспоминаній дѣтства.

Городъ уже успѣлъ принять свою обычную будничную физиономію. Лишь неубранные кое—гдѣ флаги, да все еще увитыя зеленью арки напоминали о вчерашнемъ празднествѣ. Опять на долгіе годы погрузился городокъ въ свое тихое и мирное житіе...

О. Данилъ имѣлъ намѣреніе посѣтить могилу своего родственника о. Александра Россинскаго, съ которымъ въ свое время онъ былъ связанъ узами близкой дружбы. Покойный памятенъ и мнѣ, какъ членъ Правленія духовнаго училища, всегдашній ассистентъ на экзаменахъ. Могила его находится на погостѣ Борисо-Глѣбской церкви, гдѣ онъ настоятельствовалъ до самой своей кончины. Мы идемъ туда мимо старинной Покровской церкви, которая невольно приковываетъ наши взоры своей оригинальной, величественной архитектурой, напоминающей средневѣковый замокъ. Въ церкви—двойныя стѣны съ ходами между ними и тайниками. Только пристально всмотрѣвшись, можно разглядѣть, что окна въ осьмерикѣ церкви фальшивыя т. е. нарисованы лишь краской. Церковь выстроена въ 1700-хъ годахъ Переясл. полковникомъ, Мировичемъ. Неподалеку отъ нея, за мостомъ, переброшеннымъ черезъ высохшую Альту, виднѣется и Борисо-Глѣбская церковь, тоже старинная.

Могилка о. Россинскаго въ довольно запущенномъ видѣ. Кажется, у покойнаго не осталось въ Переяславѣ никого

изъ родныхъ, а прихожане уже успѣли видно забыть своего прежняго настоятеля. А вѣдь при жизни покойный пользовался огромной популярностью, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ, — не только въ одномъ лишь городѣ. Бывало, изъ селъ являются къ о. Александру депутаціи съ просьбой прослужить въ храмовой праздникъ и *непрелмно* сказать проповѣдь. Говорилъ покойный почти всегда безъ тетрадки, съ какимъ то особеннымъ нервнымъ воодушевленіемъ, которое властно захватывало слушателей. Образами, сравненіями, а въ особенности патетическими обращеніями онъ увлекался чрезвычайно. Рассказываютъ, что говоря однажды о сошествіи на Спасителя Св. Духа въ видѣ голубя, онъ все болѣе и болѣе увлекаясь съ неподражаемымъ паѳосомъ восклицаетъ: „О, голубь! О, милая, о, любезная птица!“ Но въ устахъ о. Александра даже и такое слишкомъ ужъ высоко „штильное“ восклицаніе дышало для его слушателей, если не всѣхъ, то многихъ, — неотразимой силой!...

Посѣтивъ попутно милую и гостепрѣимную семью нынѣшняго настоятеля Борисо-Глѣбской церкви—о. Мих. Пономаренко, мы отправляемся къ древнѣйшей Переяславской церкви—Михайловской. Она стоитъ на фундаментѣ церкви велико—княжеской эпохи,—построенной еще митрополитомъ Ефремомъ, какъ предполагаютъ, при Владимірѣ Мономахѣ. Здѣсь первоначально была кафедра переяславскихъ митрополитовъ и епископовъ. Во времена татарскаго нашествія эта церковь была разрушена и почти до XVII вѣка находилась въ развалинахъ, потомъ она была возобновлена полковникомъ Лободой, а вскорѣ почему-то была упразднена. Нынѣшняя церковь построена уже въ половинѣ XVIII вѣка. Историки утверждаютъ, что на погостѣ Михайловской церкви погребены переяславскіе князья и епископы и что раскопки здѣсь могли бы дать много цѣннаго археологическаго матеріала.

Чѣмъ то грустнымъ, унылымъ вѣетъ нынѣ отъ этой церкви, которая словно стоитъ на развалинахъ былого величія, нѣкогда приводившаго въ восторгъ лѣтописца, по словамъ котораго, въ древней Михайловской церкви было 14 престоловъ. Погостъ маленькій; къ нему ведутъ узенькіе, чуть проѣзжіе и тѣсно застроенные переулки... Постройки со всѣхъ сторонъ облѣпили церковную ограду...

На погостѣ бросается въ глаза прекрасный памятникъ на могилѣ бывшаго настоятеля церкви—о. Макарія Соховича. О. Даниль, близко знавшій покойнаго по совмѣстной церковно-школьной дѣятельности, рассказываетъ много интереснаго объ этомъ замѣчательно честномъ человѣкѣ, надѣленномъ глубокимъ умомъ съ большой философской складкой мышления... Однако, несмотря на свое образование (2 курса духовной академіи) и свои недюжинныя способности, покойный не имѣлъ успѣха на служебномъ поприщѣ, кажется, вслѣдствіе своей чрезвычайной прямолинейности,—качеству, какъ извѣстно, не особенно цѣнному въ наше время...

Еще съ утра хмурое, туманное небо обѣщало теперь разразиться дождемъ. Мы поспѣшили возвратиться домой—и во время. Едва лишь успѣли мы добраться въ духовное училище, какъ разразился сильнѣйшій ливень, хотя впрочемъ, не надолго. Къ 4 часамъ вечера прояснилось—и мы стали собираться въ обратный путь. Впрочемъ, о. Даниль еще предполагалъ побывать на родинѣ—въ м. Березани; я же, пользуясь представлявшимся случаемъ, рѣшилъ захватить въ Архіерейское Андрушевское подворье, кстати это было по дорогѣ къ парашодной станціи и, кромѣ того, оказывались неожиданные спутники въ подворье: Ѳ. Н. Гординскій и А. Н. Мильгевскій.

Черезъ часъ мы вѣзжали въ с. Андруши, расположенное въ 2—3 верстахъ отъ Днѣпра.

Посѣтивъ добрѣйшаго настоятеля Андрушевской церкви о. Д. Бѣлоусова, мы вмѣстѣ съ нимъ пѣшкомъ отправляемся въ былую резиденцію Переяславскихъ епископовъ.

Невыразимо грустное впечатлѣніе производитъ теперь эта бывшая епископская резиденція! Здѣсь нынѣ „мерзость запустѣнія“. Жалкій, полурастасканный плетень изображаетъ собой огороду при вѣздѣ въ усадьбу; аллеи и дорожки заросли бурьяномъ, одноэтажный каменный домикъ, построенный въ 1781 году епископомъ Переяславскимъ Иларіономъ, запущенъ до крайности, здѣсь пріютилось семейство дачниковъ; флигель и какія-то постройки тоже близки къ разрушенію... Передъ архіерейскимъ домикомъ уцѣлѣли остатки пѣкогда прекраснаго фруктоваго сада, который теперь снимается въ аренду какимъ-то промышленникомъ. Только прекрасный, вѣковой паркъ съ невѣроятно толстыми дубами

напоминаетъ о лучшемъ прошломъ этого по истинѣ прелестнаго уголка, очень любимаго покойнымъ епископомъ Сильвестромъ, который имѣлъ здѣсь постоянное мѣстопробываніе со всей своей свитой, лишь изрѣдка прѣзжая въ Переяславъ для богослуженія. Съ переводомъ епископской каюды въ Полтаву, Андрушевское подворье, конечно, было забыто епископами, но покойный епископъ Іоаннъ на время было возвратилъ ему прежнюю его роль. Это—была любимѣйшая дача еп. Іоанна, гдѣ онъ почти ежегодно проводилъ лѣтомъ нѣсколько мѣсяцевъ. А. Н. Мильгевскій, который въ ту пору состоялъ при покойномъ епископѣ въ качествѣ хориста, показываетъ любимыя аллеи епископа, мѣсто, гдѣ стоялъ теперь срубленный знаменитый дубъ, подъ сѣнью котораго епископъ часто принималъ просителей.—уголокъ тутъ же пробѣгающей неподалеку рѣчки Станислава, куда каждое утро на одноконкѣ ѣздилъ епископъ купаться...

Выбравшись изъ парка на опушку, мы долго любуемся разстилавшимися предъ нами восхитительнѣйшими видами. Какая здѣсь въ самомъ дѣлѣ прелесть, какое богатство и разнообразіе природы! Вправо—теряющаяся гдѣ—то вдали полоса желтѣющихъ сыпучихъ песковъ, прямо—необозримая даль превосходныхъ луговъ, среди которыхъ кое—гдѣ серебрится Станиславъ, а слѣва—какъ на ладони огромныя грады горъ, чернѣющихъ надъ протекающимъ у подножья ихъ Днѣпромъ...

Возвратившись къ архіерейскому домику, мы хотѣли было посмотреть домовую церковь, въ немъ устроенную; къ сожалѣнію, она была заперта и ключей достать не удалось. А жаль! Церковь эта меня интересовала своей превратной судьбой. То о ней заботятся, благоукрашаютъ, то надолго забываютъ о ней и она приходитъ въ запустѣніе и упраздняется (при Гедеонѣ), то вновь вспоминаютъ о ней и благоукрашаютъ, затѣмъ опять забываютъ, а въ 1899 году чуть было опять не упразднили; спасла ее отъ этого одна чистая случайность.

Неизвѣстно по какимъ побужденіямъ покойный епископъ Иларіонъ въ 1899 году, когда въ Переяславѣ были курсы для учителей церковно-приходскихъ школъ (трехъ уѣздовъ), распорядился, что бы завѣдывавшій монастыремъ игуменъ Геннадій пригласилъ о. о. Наблюдателей, присутствовавшихъ

на курсахъ, отслужить въ домово́й архіерейской церкви, литургію—и затѣмъ упразднить ее. „Отслужили мы“—помню, разсказывалъ о. Даниль: „и стало у насъ какъ—то грустно, тяжело на душѣ... Зачѣмъ упразднять эту церковь? Кому она мѣшаетъ? А вѣдь какъ—ни какъ, это нѣкоторый историческій памятникъ, дорогой духовенству епархіи... Стали мы просить о. Геннадія, что бы онъ отъ нашего имени ходатайствовалъ предъ Владыкой о сохраненіи церкви... И Владыка покойный не только исполнилъ нашу просьбу, но даже распорядился, что бы церковь была приведена въ порядокъ“...

Однако, какъ передають, иконостасъ изъ этой церкви позже все таки былъ перенесенъ въ теплую монастырскую церковь, а на мѣсто его былъ установленъ старенькій изъ монастырской церкви. Такъ ли это—не знаю.

Къ 11 часамъ вечера я расстался съ своими спутниками.

Прощай, старинный патріархальный городокъ, разбудившій въ душѣ цѣлый міръ неизъяснимо—милыхъ, сладостныхъ воспоминаній дѣтства!...

Свящ. М. Короповъ.

17 сентября въ м. Бстечкѣ Сѣнча, Лохвицкаго уѣзда.

Духовенство 4-го благочиннаго округа, Лохвицкаго уѣзда, на одномъ изъ благочинническихъ сѣздовъ освѣдомившись, что 17 сентября сего 1907 года исполняется 35 лѣтіе пастырскаго служенія глубокоуважаемаго собрата, священника о. Алексѣя Савченка (онъ же и благочинный), въ чувствахъ искренней признательности къ нему, за его, во всѣхъ отношеніяхъ, добрыя и гуманныя отношенія къ духовенству округа, единогласно рѣшило чествовать этотъ день общимъ собраніемъ въ м. Сѣнчи, какъ мѣстѣ пастырскаго служенія о. Алексѣя и во храмѣ Божіемъ, въ которомъ юбиляръ безвыходно прослужилъ уже 35 лѣтъ, общимъ соборомъ всѣхъ священнослужителей сего вѣдомства, въ представительствѣ юбиляра, отслужить Божественную литургію, по окончаніи которой поднести юбиляру соименный ему образъ Преподобнаго Алексія, Божія челоуѣка; послѣ сего отслужить предъ образомъ молебенъ о

здравіи и благоденствіи о. юбиляра, для чего поручило о. духовнику сего вѣдомства, священнику Павлу Храпкову, испросить разрѣшеніе Его Преосвященства, которое, въ свое время, и было получено.

По окончаніи литургіи, 17 сентяб. когда всѣ священнослужители вышли на середину церкви, а псаломщики помѣстившись на клиросахъ, при полномъ храмѣ молящихся, о. духовникъ вынесъ изъ алтаря вышесказанный образъ и, вручая его юбиляру о. Алексѣю, произнесъ слѣдующую рѣчь:

Глубоноуважаемый собратъ, о. Алексій!

По милости Всевышняго, въ рукахъ Коего и жизнь и дыханіе наше, сегодня исполнилось 35 лѣтъ служенія твоего въ священномъ санѣ. Благословенъ Господь Богъ, даровавшій тебѣ крѣпость и силу твердо и непреткновенно пройти въ теченіи столь продолжительнаго времени многотрудное, особенно въ послѣдніе годы, поприще служенія настырскаго. И всѣ мы, сослужители твои, собравшіеся въ семъ св. храмѣ, поздравляемъ тебѣ съ исполненнымъ тридцатипятилѣтіемъ служенія твоего въ священномъ санѣ и молимъ подателя всѣхъ благъ Бога, да простретъ Онъ, Всемогущій, надъ тобою Свою всеблагую и всеильную десницу, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую, и да укрѣпитъ тебя къ продолженію священнаго служенія твоего въ семъ храмѣ еще и еще на многіе и многіе годы. Въ память же сего свѣтлаго и радостнаго торжества подносимъ тебѣ св. икону соименнаго тебѣ св. Алексія, человѣка Божія. Прими ее, какъ видимый знакъ нашего глубочайшаго къ тебѣ уваженія и сердечнаго расположенія!

Юбиляръ отвѣтилъ такъ!

„Душевно благодарю васъ, Отцы и во Христѣ братіе, за приношеніе, которымъ пожелали почтить меня въ день моего 35 лѣтія служенія въ санѣ священства. Да будетъ этотъ св. образъ, который принимаю отъ васъ, залогомъ любви и единенія между нами! Не смѣю усумниться въ искренности оказываемой вами мнѣ чести, но и не смѣю думать, что эта заслуга съ моей стороны и должная мнѣ награда.— Принимаю эту честь, какъ милость незаслуженную мною. Ибо, если я до сихъ поръ тщательно исполнялъ возложен-

ныя на меня Господомъ Богомъ и начальствомъ моимъ обязанности, то въ этомъ вижу лишь милость и благодать Божию ко мнѣ, охранявшую и укрѣплявшую меня въ теченіи всей моей 35 лѣтней службы. Посему, отцы и братіе, прошу вашихъ молитвъ за меня предъ Богомъ, — да укрѣпитъ Онъ меня и впредь до окончанія жизни моей, и недостатки мои покроетъ Своимъ милосердіемъ и любовію, и дастъ мнѣ силы и разумѣніе также исполнять возложенныя на меня обязанности и впредь. Благодарю и васъ, чада духовныя, собравшіеся въ сей св. храмъ вмѣстѣ со мной въ сей день. Да не оскудѣетъ въ васъ и впредь ревность ко св. храму и ваши молитвы!

Преподобный Отче-Алексіе, моли Бога о мнѣ грѣшномъ!

По окончаніи молебна, предъ обычнымъ многолѣтіемъ, старѣйшій изъ собратій, священникъ Николай Сребницікій произнесъ слѣдующее слово:

Досточтимый и глубокоуважаемый о. Алексій!

Какое слово принесу тебѣ я, какъ старѣйшій по лѣтамъ изъ собратій, въ единеніи духа и любви къ тебѣ собравшихся здѣ молиться за тебя и сердечно привѣтствовать тебя въ сей знаменательный день!!

Нѣтъ, не слово приношу тебѣ, — а живое чувство; это называется тѣмъ, что ты самъ богатъ добрыми, чистыми чувствами ко всѣмъ намъ. Но питаемое чувство къ тебѣ не умалится оттого, если я засвидѣтельствую его и искреннимъ словомъ; говорю „искреннимъ словомъ“ потому, что не въ мои лѣта пускаться въ лесть или цустословіе; да и собрались мы въ сей священный для тебя день, чтобы совершить его свято, отъ чистаго сердца. И я увѣренъ, что въ своемъ правдивомъ словѣ предъ тобою, дорогой юбиляръ, я буду выразителемъ и прочихъ собратій, такъ какъ несомнѣнно всѣ они проникнуты тѣми же добрыми чувствами къ тебѣ, какія ты вселяешь въ каждомъ своими добрыми высокими качествами. Перечислять ли ихъ?

При твоей скромности, простотѣ и задушевности, ты можешь посчитать это за лесть, но нельзя и умолчать о нихъ; правда всегда достойна быть высказанной.

Какъ представитель нашъ, благочинный, ты всегда являлъ гуманность, милосердіе, всегда и вездѣ проявлялъ за-

боту о поддержаніи и сохраненіи мира, того святого христіанскаго мира, ради котораго приходилъ и Господь Спаситель въ міръ.

Какъ человѣкъ, ты радушенъ, сердцемъ близокъ къ личности и жизни каждаго, всегда принимая теплое участіе не только въ дѣлахъ служебныхъ, но и семейныхъ; это и сродняетъ всѣхъ насъ съ тобою и влечетъ къ тебѣ наши сердца.

Какъ администраторъ, ты всегда справедливо цѣнишь достойное служеніе тружениковъ духовныхъ на нивѣ Христовой и самъ даешь въ этотъ живой примѣръ

Какъ семьянинъ, ты, при скудныхъ средствахъ и тяжелыхъ условіяхъ жизни, не входилъ въ сдѣлку съ какой либо нечестностію, непристойностію и такъ направилъ и воспиталъ свою семью, что она является образцевою по благородству.—Это дается не легко. Но ты преодолѣлъ на этомъ пути все: и трудъ, и невзгоды, и другія препятствія. Древній мудрецъ спрашивалъ: „чѣмъ кто можетъ похвалиться въ жизни? и пришелъ къ убѣжденію,“ тѣмъ, кого онъ оставилъ по себѣ. И вотъ твоя семья и ея качества,—это лучшая твоя похвала.

Но радѣя о направленіи своей семьи, ты болѣлъ сердцемъ и о другихъ сиротахъ. О, сироты, сироты! Сирота несчастіе нищаго, калѣки, своею заброшенностію, беззащитностію, отсутствіемъ ласки; но ты своимъ любящимъ сердцемъ для многихъ сиротъ былъ и защитникомъ, ходатаемъ и покровителемъ. Живъ Господь Богъ, Отецъ сиротъ, и Онъ Самъ воздастъ тебѣ за усердіе Своею милостію и благословеніемъ. Мы же, въ выраженіи нашей благодарности и нашего благожеланія тебѣ, молимъ Бога, да будетъ и послѣдующая служебно-дѣятельная жизнь твоя на нивѣ Христовой, въ лѣтахъ подходящей уже къ тебѣ старости, не бременемъ непосильнаго креста, но игомъ благимъ и бременемъ легкимъ, чрезъ которые, труженики, по словамъ Христовымъ, обрѣтаютъ покой душамъ своимъ. Да будетъ и твой душевный миръ не нарушаемъ и впредь никакими нестроеніями какъ въ своей родственной семьѣ, такъ и во всемъ вѣдомствѣ, ввѣренномъ твоему священно-началію, и да подастъ Господь тебѣ и твоему семейству здравіе, благоденствіе и многая лѣта“.

На братской трапезѣ у радушнаго юбиляра прочитаны были сердечное поздравленіе отъ дѣлопроизводителя и члена Лохвицкаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, священника о. Андрея Подгорнаго, — гдѣ, между прочимъ, сказано: знаю, какъ сослуживецъ (по отдѣленію), Васъ, по службѣ: — во всемъ точность, аккуратность и рѣдкая исполнительность; въ обращеніи со всѣми — простота, привѣтливость и всегдашняя готовность услужить; въ семьѣ необычайная любовь къ дѣтямъ, постоянная забота о ихъ будущемъ и готовность всѣмъ пожертвовать для нихъ, не щадя ни здоровья, ни своего спокойствія. Вотъ тѣ черты Вашего характера, о которыхъ я, принадлежащій къ духовенству другого округа, долгомъ своимъ считаю засвидѣтельствовать предъ духовенствомъ ввѣреннаго Вамъ Округа и, вполнѣ раздѣляя волнующія ихъ въ настоящее время мысли и чувства, я смѣшу присоединиться къ нимъ и прошу Васъ, уважаемый о. Алексѣй, принять и мое настоящее поздравленіе въ сей радостный и торжественный день въ Вашей жизни, и мое искреннее пожеланіе еще много лѣтъ продолжать жить въ томъ направленіи и въ томъ добромъ взаимообщеніи, за которое Васъ чествуютъ теперь“ ..

За сямъ прочитано было благожелательное поздравленіе отъ завѣдывающаго Лохвицкимъ Отдѣленіемъ Епархіальнаго свѣчнаго завода, священника о. Андрея Гладкаго. Самыя душевныя привѣтствія были отъ отсутствующихъ дѣтей юбиляра. Были привѣтствія и отъ другихъ почитателей его.

Невольное признаніе.

Предъ нами общественный приговоръ крестьянъ д. Т—ки, Констант. у., изъ коего (приговора) видно невольное признаніе ихъ, какъ они дорожатъ церковною школою, — какъ симпатичнымъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно признаются, что школа эта очень интересна для нихъ и съ матеріальной стороны.

Дѣло въ слѣдующемъ. Бывшій учитель земской школы дер. Т—ки г. Ш. въ погонѣ за лучшими средствами къ жизни съ одной стороны, а съ другой — желая обезпечить учительскій трудъ

нѣкимъ сокращеніемъ числа учащихся, въ 1899 году открываетъ въ той же д. Т—кѣ другую школу, церковно-приходскую женскую, — помѣщаетъ ее въ наемномъ домѣ, а учительницею ставитъ свою жену А. Ш. (епархіалку). Такъ велось дѣло до 1906 — 1907 учебнаго года. Земскій учитель г. Ш., онъ же попечитель церковной школы, тратилъ ежегодно на наемъ помѣщенія подѣ церковную школу и отопленіе примѣрно отъ 30 до 50 руб., за то имѣлъ случайное, такъ сказать, подспорье къ жизни — свободныхъ рублей полтора изъ женинаго жалованья по должности учительницы церковной школы. Само собою — жителямъ д. Т—ки г. Ш. оказалъ крупное благодѣяніе, или, какъ они называютъ въ своемъ приговорѣ, — «неоцѣненное благо».

Годъ назадъ учитель г. Ш. (попечитель школы) переведенъ въ другое мѣсто, а съ переходомъ попечителя церковной школы лишилась средствъ къ существованію и самая школа, такъ какъ жители д. Т—ки и раньше не тратились на школу и сейчасъ постѣснялись содержать школу на свой счетъ. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было средствъ къ содержанію — школа закрыта.

Т—цы, привыкшіе за восемь лѣтъ существованія у нихъ школы считать своею обязанностію лишь посылать дѣтей въ школу, увидѣвъ, что другого благодѣтеля содержать школу не оказывается, вспылали благороднымъ негодованіемъ, и, по истеченіи первой трети, въ декабрѣ 1906 года, составили грозный приговоръ, въ коемъ, между прочимъ, выразили недоумѣніе, что, по выбытіи учительницы А. Ш. «въ ихъ школу другой учительницы по неизвѣстнымъ причинамъ не прислали»... «Въ настоящее же время. маракують Т—цы, у насъ оказалось до 40 дѣвочекъ школьнаго возраста, выброшенныхъ за бортъ школьнаго образованія!!.. Далѣе въ приговорѣ нестрять панегирики церковно-приходской женской школѣ, что «церковная женская школа оставила въ ихъ памяти неизгладимое впечатлѣніе, что дѣвочки церковно-приходской школы, научивъ своихъ братишекъ грамотѣ, тѣмъ дали имъ возможность окончить земскую школу чрезъ два года вмѣсто трехъ, что недаромъ Его Величество Государь Императоръ съ высоты престола благодарилъ блаженной памяти Преосвященнаго Епископа Иларіона за его вниманіе къ образованію дѣвочекъ». Высказавъ затѣмъ невозможность содержать школу по бѣдности и задолженности, Т—цы пресеяты Епархіальное Начальство объ открытіи упраздненной школы въ д. Т—кѣ «все дѣло на счетъ спеціальныхъ церковныхъ суммъ».

Несомѣнно—Т—цы довольны были церковною школою въ продолженіе всего времени существованія у нихъ оной, но когда «къ великому ихъ горю» школа закрылась, тогда только публично объявили полное одобреніе «неоцѣненной школѣ». Спасибо Т—мъ за ихъ невольное признаніе; признаніе исполненнаго долга во 1-хъ, а во 2-хъ благопріятный, хотя и невольный отзывъ о подобающемъ функционированіи цер. школы—самые вѣрные и надежные двигатели по пути къ совершенствованію церковно школьнаго дѣла. Побольше такихъ публичныхъ нелицемѣрныхъ отзывовъ о школѣ, коей такъ гнушается лѣвая печать, давно уже присудившая ей неотметаемую анафему... Еврействующей прессѣ до тошноты больно, что громадное число церковныхъ школъ почти повсемѣстно сдерживаютъ молодое поколѣніе отъ тѣхъ «освободительныхъ» увлеченій, отъ того скользкаго пути, по которому большинство земскихъ учащихся хотятъ вести несчастныхъ русскихъ дѣтей... Не секретъ, что чрезъ земскія школы кадетствующимъ земцамъ хотѣлось провести въ народѣ безбожіе, поправленіе всякаго гражданскаго строя,—что мѣстами и достигнуто, гдѣ не встрѣчалось серьезнаго противоборства. А какой широкой просторъ и легкій способъ теперь пролѣзть земскому учителю въ агенты какого нибудь кадетствующаго земства, преслѣдующаго революціонныя цѣли... Годъ—два назадъ учителю, не получившему соотвѣтствующаго образованія, нельзя было и подумать учить ребятъ Закону Божію, а нынѣ занимаютъ сплошь и рядомъ симъ святымъ дѣломъ юнцы изъ учительскихъ семинарій, поставляющихъ какъ разъ подходящій для «освободительныхъ» задачъ элементъ. Какой нибудь Широко или Мотыгинъ, побывавшіе на учительскихъ сѣздахъ, гдѣ такъ подробно и рѣшительно говорилось объ изгнаніи изъ школьной программы Закона Божія, теперь въ числѣ другихъ предметовъ состоятъ и преподавателями Закона Божія! Легко вообразить, какія религіозныя истины привьетъ такой учитель школѣ и какую нравственность вселитъ въ сердца ребятъшекъ?..

Невольно напрашивается мысль: нормально ли это? не слѣдовало ли бы подумать о спасеніи юношества отъ растлѣвающаго вліянія какого нибудь подставнаго законоучителя? «Народные благодѣтели» добились таки отчасти своего, давши земскому учителю лишній козырь въ руки для осуществленія своихъ безбожныхъ плановъ... на чредѣ у нихъ болѣе существенный, болѣе интересный вопросъ, какъ бы похерить ненавистную церковную школу...—и необезнечена то она, и съ плохими учите-

лями, и учить она какой то неприложимой къ жизни церковщицѣ, не нужному и тупящему головы славянизму, — однимъ словомъ, — по разъясненію «народниковъ» и людей вѣка сего, (Еф. 6, 12) церковная школа есть учрежденіе «калѣчащее юношество». Прекрасно знаютъ они о церковной школѣ все то, что сказали о ней Т—цы, но несутъ на нее всякое лганье чрезъ то, что она имѣетъ ненавистна, а ненавистна по своимъ задачамъ, что она дѣйствуетъ въ духѣ православной церкви, ведетъ подрастающее поколѣніе путемъ церковнымъ, спасительнымъ.

Еслибы Т—цы были болѣе откровенными, то должны бы сказать, что церковная женская школа нужна имѣ еще и потому, чтобы возрастить защитниковъ православія, недопустить жителей Т—ки превратиться сплошно въ сектантовъ. Они сказали лишь то, что «воспитаніе дѣтей принадлежитъ матери. Образованная мать, помимо ея громаднаго нравственнаго вліянія на дѣтей, скорѣе вселитъ путемъ чтенія и разказовъ любовь къ школѣ» и т. д. Деревня Т—ка въ религіозномъ отношеніи неблагонадежна; чуть ли не на половину она заражена шалапутствомъ и штундизмомъ. Для спасенія многолюдной деревни и нужно бы образовывать стойкихъ въ православіи матерей, каковыхъ могла бы дать церковная школа.

Признавая церковную женскую школу полезною, Т—цы установили неправильный взглядъ на матеріальную сторону школы; не только желаютъ, но силятся и доказать, что зданіе для школы должно быть сооружено «всецѣло на епархіальныя церковныя суммы». Такъ рассуждаютъ, впрочемъ, не одни Т—цы; недугомъ этимъ заражены вообще крестьяне, особенно теперь, когда имъ разъясняютъ, что церковными суммами должны бы распорядиться они сами. Почти такъ и дѣлается: гдѣ только устраивается школьное зданіе для цер. школы, въ большинствѣ случаевъ испрашивается разрѣшеніе употребить извѣстную цифру церковнаго капитала. Совсѣмъ другой порядокъ наблюдается при постройкѣ зданія для земской школы: земство даетъ обществу 600 руб.; а остальные какую нибудь тысячу изыскиваетъ общество. Кромѣ этого общество обязывается еще приговоромъ прибавлять къ жалованью учащихся отъ 100 до 150 руб. Требованіе земства крестьяне отлично знаютъ, однако при возникновеніи вопроса о устройствѣ церковной школы прикидываются непонимающими, къ тому еще бѣдными и задолженными, какъ объяснили о себѣ Т—цы. А вѣдъ тѣ же бѣдные Т—цы устроили земскую школу съ прибавочною тратою своего

личнаго капитала и ежегодною ассигновкою извѣстной суммы на ремонтъ зданія и жалованье учителю.

Увѣнчается ли ходатайство Т—цевъ успѣхомъ, покажетъ будущее, а тѣмъ временемъ нужнѣ бы приходскому пастырю употребить всѣ усилія—склонить жителей Тишенковки отвести усадьбу подъ школу, затѣмъ удѣлить нѣкую сумму на постройку зданія изъ своихъ средствъ и потомъ уже просить епархіальной помощи.

Церковная добрая школа необходима для Т—цевъ, какъ воздухъ.

Н. В. III.

Новѣйшія теченія въ римско-католической церкви.

Борьба съ модернизмомъ.—Націоналисты и клерикалы.—Новыя фазы въ исторіи Маріавитскаго движенія.—Будущій русскій католицизмъ.

I.

Въ настоящее время римско-католическая церковь переживаетъ на Западѣ тяжелый кризисъ. Папству грозитъ серьезной опасностью новое прогрессивное направленіе въ богословскомъ мышленіи, или такъ называемый модернизмъ, который клонится не только къ освобожденію римско-католической церкви отъ вѣковыхъ папскихъ путъ, но и къ замѣнѣ католическаго вѣроученія научнымъ неохристіанствомъ.

Означенный кризисъ особенно ярко и наиболѣе рельефно въ послѣднее время выраженъ во Франціи, среди мѣстнаго римско-католическаго духовенства.

Сравнительно частыя отреченія французскихъ священниковъ отъ духовнаго сана, самоубійства среди духовенства, съ каждымъ годомъ увеличивающееся количество вакантныхъ священническихъ мѣстъ (въ 1888 г. было свободныхъ мѣстъ 2.169, въ 1903 г.—2.560), нежеланіе молодыхъ людей поступать въ духовныя семинаріи, слишкомъ замѣтный индифферентизмъ священниковъ къ дѣламъ вѣры—все это тревожные показатели ненормальнаго, болѣзненнаго состоянія свѣточа католической церкви—ея іерархіи.

Извѣстный знатокъ по церковнымъ вопросамъ аббатъ Гутэнъ, изслѣдовавшій причины этого явленія въ спеціальному сочиненіи *), открыто объясняетъ его умственнымъ процессомъ:

*) La Crise du Clergé, par. A. Houfin. Paris, 1907.

По его мнѣнію, все мыслящее духовенство во Фрзціи переживаетъ теперь кризисъ вѣры. Историческіе труды кардинала Дюшена и критическія изслѣдованія аббата Луази расшатали схоластическіе устои семинарской науки и возродили въ сердцахъ священниковъ сѣмена сомнѣнія въ прочности всей католической богословской системы.

Въ какомъ направленіи разрѣшится указываемый кризисъ, сказать, конечно, довольно трудно. Первымъ этапомъ къ реформѣ церкви во Франціи послужить, по всей вѣроятности, разрывъ съ Римомъ. По крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ призывъ къ этому разрыву довольно рѣзко прозвучалъ во Франціи, благодаря Генриху де Гу.

Его небольшая книжка— „Guerre au Papisme“ (война папизму) призываетъ вѣрующую христіанскую Францію къ рѣшительной борьбѣ съ папизмомъ.

По его мнѣнію, папизмъ—это воплощеніе римскаго цезаризма—убилъ апостольскую свободу и разрушилъ іерархію, основанную апостолами согласно съ ученіемъ Христа. Отрекшись отъ папства, католическая церковь, оставаясь вѣрной догматамъ, таинствамъ и обрядамъ, очистится и возродится въ христіанствѣ.

Аналогичнымъ съ французскимъ движеніемъ въ католической церкви за послѣднее время назрѣло движеніе и у германскихъ католиковъ. Относительно послѣдняго слѣдуетъ замѣтить только, что движеніе выбилося въ довольно опредѣенныя организациі, чего недостаетъ французскимъ католикамъ.

Среди другихъ организациій, наибольшую извѣстность въ послѣднее время получило въ Германіи „Общество христіанской культуры“ (Christliche Kulturgesellschaft), поставившее своею цѣлью добиваться реформы католической церкви на началахъ культурнаго прогресса. Благодаря участію въ этой организациі главнымъ образомъ мірянъ и нѣсколькихъ извѣстныхъ профессоровъ, Мюнстерскій (въ г. Мюнстерѣ) комитетъ ея возбуждалъ къ себѣ особое вниманіе папства, увидавшаго для себя большую опасность въ проявленіи мірянами инициативы въ церковной реформѣ.

Ближайшимъ поводомъ къ этому явилась выработанная комитетомъ петиція къ папѣ объ отмѣнѣ индекса или, по

крайней мѣрѣ, о реформированіи его. Хотя просители и высказывали вѣрность и любовь свою къ церкви, но рѣшительно выразили свой взглядъ на систему индекса, какъ вредную для культурныхъ цѣлей и обидную для мыслящихъ элементовъ общества.

Папство отвѣтило изданіемъ 3 іюня 1907 г. „силлабуса“:

Въ введеніи къ нему указываются причины, вызвавшія изданіе,—это распространеніе ученій, проповѣдуемыхъ либеральными критиками (модернизмъ). Первые восемь опредѣленій устанавливаютъ отношенія католиковъ къ духовной власти по вопросамъ научнымъ. Слѣдующія одинадцать опредѣленій составляютъ изложеніе католическихъ научныхъ воззрѣній на боговдохновенность священнаго писанія. Въ 52 опредѣленіяхъ опровергаются мнѣнія аббата Луази и Ле-Руа, а въ заключительныхъ двухъ опредѣленіяхъ папа полемизируетъ съ возраженіемъ, что церковь должна отказаться отъ нѣкоторыхъ положеній средневѣковой догматики.

Такимъ образомъ, изданіемъ „силлабуса“ папство лишній разъ передъ всѣмъ міромъ показало, что оно не хочетъ считаться съ современной научною мыслью, и въ борьбѣ съ модернизмомъ не знаетъ иныхъ мѣрѣ, какъ голько призывать общество къ полному игнорированію данныхъ научной богословской критики.

II.

Давно уже въ польскихъ газетахъ проскальзывали неясныя замѣтки о недоразумѣніяхъ, возникшихъ въ средѣ самой сильной польской партіи національ-демократовъ между свѣтскими и духовными представителями ея. Слухи эти нашли подтвержденіе во время бывшаго недавно въ Варшавѣ съѣзда католическихъ писателей, когда національ-демократіи пришлось наслушаться много неприятныхъ вещей по своему адресу.

Теперь этимъ недоразумѣніямъ посвящаетъ кс. Фульманъ обширную статью въ „*Wiadomości Pastorskich*“, статью, тѣмъ болѣе заслуживающую вниманія, что авторъ ея былъ не такъ еще давно однимъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ и агитаторовъ національ-демократіи.

Въ первое время своей дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ, иппетъ Кс. Фульманъ,—національ-демократія встрѣчена была очень сочувственно духовенствомъ, и только ксендзы „угодоваго“ направленія были противъ нея. Дальнѣйшее развитіе отношеній вывело, однако, на арену много личностей, которыя до того были ослѣплены партійной гордостью, что вступили въ борьбу съ чисто католическими организаціями, доказавъ этимъ, что ихъ интересуеть не религіозная идея въ католицизмѣ, а лишь политическія соображенія. Безтактныя и язвительныя выходки „Гонца“ противъ духовенства и христіанской демократіи еще больше убѣдили во враждебномъ отношеніи къ костелу. Страсть этой партіи къ господству охватывала всѣ области жизни. Кто не поддавался ея командѣ, того обвиняли въ недостаткѣ патріотизма и другихъ качествъ, дававшихъ право быть добрымъ обывателемъ края. Этому партійному чванству надо было положить конецъ, указавъ, что католическое духовенство какъ таковое, не пойдетъ подъ начальство какой-то партіи, такъ какъ должно быть свободно не только отъ сословности, но и отъ партійности, если хочеть выполнить свою задачу относительно достиженія социальнаго благоустройства на христіанскихъ началахъ.

Въ основу обвиненій была положена программа національ-демократической партіи, изданная въ 1893 году въ Краковѣ. Въ § 9 ея такъ опредѣлено отношеніе партіи къ церкви: „Считая римско-католическую церковь въ Польшѣ національнымъ учрежденіемъ, національ-демократическая партія ставить себѣ въ отношеніи ея слѣдующія задачи: а) гарантировать ей энергичную со стороны общества защиту отъ посягновеній внѣшнихъ враговъ; б) опредѣлить начала общественнаго контроля надъ политикой духовныхъ властей и обывательскимъ поведеніемъ духовенства, каковому контролю общества должны подлежать всѣ національныя учрежденія“.

Слова эти,—говорить кс. Фульманъ, раздражали, во первыхъ, тѣмъ, что партія считала церковь національнымъ учрежденіемъ, а, во-вторыхъ, что вводила контроль надъ политикой духовныхъ властей. Первый пунктъ породилъ упреки въ стремленіи создать какую-то національную церковь, второй—въ желаніи вмѣшиваться въ церковное управленіе. Принадлежавшіе къ

партіи ксендзы начали все настойчивѣе домогаться категорическаго выясненія отношеній партіи къ церкви. Правленіе партіи уклонялось отъ прямого отвѣта, возбуждая подозрѣнія, что не хочетъ быть искреннимъ.

Наконецъ, въ лейбъ-органѣ партіи, *Польской Газетѣ* появилась знаменательная статья, озаглавленная „Два упрека“, въ которой духовенство прочло, между прочимъ: „Если какому-либо политическому положенію дѣлають съ двухъ сторонъ прямо противоположныя и взаимно исключаютіе другъ-друга упреки, то это можно считать несомнѣннымъ доказательствомъ, что упреки эти лишены основанія. Такіе упреки сдѣланы національ-демократической партіи за ея отношеніе къ церкви и религіи. *Правда* и весь прогрессивный лагерь нападаютъ на національ-демократію за ея „союзъ съ клерикалами, являющийся измѣной польскому дѣлу, польскому народу и цивилизаціи“, съ другой же стороны нѣкоторые круги духовенства обвиняють ту же нац.-демократію чуть ли не въ дѣятельности во вредъ церкви и во всякомъ случаѣ въ устраненіи представителей церкви отъ принадлежащаго имъ вліянія. И курьезнѣе всего то, что оба упрека основаны на однихъ и тѣхъ же фактахъ: на соответственныхъ пунктахъ программы партіи и на взглядѣ ея на роль духовенства въ дѣлахъ просвѣщенія. Дилемма разрѣшается очень просто: положеніе нац.-демократіи нельзя назвать ни клерикальнымъ, ни антиклерикальнымъ, такъ какъ она не можетъ занять чужую платформу, оно носитъ чисто національный характеръ въ дѣлахъ вѣры и церкви, и одно уже вполне ясно (?) опредѣляетъ отношеніе его къ нимъ.

Позитивизмъ или, правильнѣе сказать, матеріализмъ, овладѣвшій умами чуть не всей интеллигенціи въ Царствѣ Польскомъ послѣ возстанія, со свойственной ему плоскостью соединилъ въ одно понятіе клерикализмъ съ религіозностью, якобы борясь только съ первымъ, вполне сознательно подрывалъ вторую. Когда въ концѣ 90-хъ годовъ возродилось національное движеніе, среди нашей интеллигенціи преобладало убѣжденіе, что религіозность является одной изъ главныхъ препонъ для прогресса, а католическая церковь и все, что связано съ ней,—величайшими врагами народа и его будущности. По мѣрѣ того, какъ

созрѣвало нынѣшнее національ-демократическое направленіе, именовавшееся тогда „всепольскимъ“, оно подвергло пересмотру всѣ прежнія политическія понятія и догматы съ точки зрѣнія здоровья и силы народа и пришло къ прямо противоположнымъ выводамъ. Оно откинуло мысль, якобы католическая церковь была учрежденіемъ враждебнымъ нашимъ національнымъ стремленіемъ, и признало ее не только исповѣданіемъ огромнаго большинства поляковъ, но учрежденіемъ, духовно тѣсно связаннымъ съ народомъ, однимъ словомъ—национальнымъ.

„Вторымъ условіемъ оно признало охрану народныхъ дѣлъ отъ политическаго вмѣшательства клерикализма въ вопросахъ свѣтскихъ и особенно національныхъ. Руссификація и германизация чрезъ посредство церкви долго еще будутъ грозить намъ. Контроль общества надъ тѣмъ, чтобы политическія вліянія этого сорта не угрожали опасностью нашимъ національнымъ интересамъ, представляется безусловно необходимымъ на ряду съ призваніемъ духовенства къ общеклассовой работѣ совместно съ прочими обывателями края.

„Такова была программа національ-демократической партіи въ 1893 году, весьма благосклонно встрѣченная духовенствомъ Галиціи, гдѣ хорошо поняли ея значеніе и цѣли. И только теперь вооружилась противъ нея часть духовенства Царства Польскаго, подозрѣвая у нея небывалые замыслы въ родѣ стремленія къ власти надъ церковью, желанія создать національную церковь и отдать ее подъ контроль свѣтскаго общества и чуть ли не государства“.

Все это инсинуація!—категорически заявляетъ *Польская Газета* и, сдѣлавъ ловкую диверсію въ сторону прогрессистовъ, развращающихъ простой народъ и молодежь и заражающихъ ихъ атеизмомъ, закончила свои объясненія увѣреніемъ, что нац.-демократія всегда стремилась къ тому, чтобъ религіозно-нравственное воспитаніе молодежи принадлежало духовенству.

Но, увы!—фразы перестали уже оказывать свое прежнее дѣйствіе на клерикальную партію. Не такъ еще давно она принимала подобнаго рода туманныя обѣщанія націоналистскихъ лейбъ-органовъ съ восторгомъ и умиленіемъ, но теперь они не трогаютъ ее больше, и она настойчиво требуетъ перехода

отъ словъ къ дѣлу, чего именно и избѣгаетъ національ-демократія, хорошо понимая, что стоитъ ей только отдать возжи въ руки клерикаловъ, и рыдванъ ея политики можетъ измѣнить свой путь. А между тѣмъ отдать возжи рано или поздно придется. Какъ ни сильно вліяніе національ-демократіи на народъ, но сравниться съ вліяніемъ духовенства оно все-таки не можетъ.

III.

Современное состояніе маріавитскаго вопроса даетъ возможность сдѣлать заключеніе о новой стадіи въ его послѣдовательно-историческомъ развитіи. Возникновеніе этого вопроса, внесшаго въ общественную и религіозную жизнь края какой-то новый духъ, имѣющій несомнѣнно, оздоравливающій характеръ, произошло на нашихъ глазахъ, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Въ продолженіи этого небольшого, сравнительно съ такимъ крупнымъ явленіемъ, какъ маріавитское движеніе, времени, смѣна настроеній общественныхъ элементовъ происходила довольно быстро и носила ту или иную окраску въ зависимости не столько отъ внутреннихъ, сколько отъ внѣшнихъ данныхъ.

Характеризовать эти смѣны въ общихъ чертахъ можно бы слѣдующимъ образомъ: тайное до 17 апрѣля 1905 г. существованіе секты маріавитовъ, неизвѣстное большинству общественныхъ элементовъ, остается долгое время незамѣчаемымъ и не возбуждаетъ ничьихъ ни симпатій, ни антипатій.

Затѣмъ, наступаетъ тотъ моментъ, когда подъ вліяніемъ времени и событій происходитъ переломъ въ положеніи религіознаго вопроса во всей Россіи.

Возвѣщается свобода вѣротерпимости, имѣющая своимъ слѣдствіемъ для секты маріавитовъ возможность открыто выступить со своимъ вѣроученіемъ. Появленіе этой секты встрѣчено равнодушіемъ, немалую роль въ которомъ играла извѣстная доля скептицизма.

Католическое духовенство является неподготовленнымъ для борьбы съ сектой и принимаетъ до времени выжидательное положеніе.

Быстрые успѣхи маріавитскаго движенія въ послѣднее время измѣняютъ нѣсколько отношеніе къ нему: общество настораживается, а разсѣиваемыя „освободительною“ печатью инсинуаціи объ основателяхъ секты и ихъ „истинныхъ“ намѣреніяхъ даютъ поводъ болѣе легкомысленнымъ людямъ къ нескончаемымъ насмѣшкамъ, а болѣе серьезнымъ къ образованію представленія о маріавитизмѣ, какъ о какомъ-то религіозномъ дилетанствѣ, не заслуживающемъ серьезнаго вниманія.

Въ то же время духовенство энергично выступаетъ противъ новой секты, подготавливая почву для отрицательнаго отношенія къ римской куріи. Почти одновременно наступаетъ періодъ столкновеній на религіозной почвѣ маріавитовъ съ католиками, имѣвшій одно время весьма ожесточенный характеръ. Въ послѣднее время столквенія эти совсѣмъ почти прекратились, что нельзя не приписать весьма важному факту, имѣющему для религіозной и общественной жизни маріавитскаго населенія края весьма большое значеніе.

Фактъ этотъ—правительственная легализація секты маріавитовъ, показавшая, что начала вѣротерпимости должны распространяться на всѣхъ гражданъ Россійской имперіи и что маріавиты имѣютъ право на такое же законное существованіе, которое доступно и другимъ.

Наблюдая современное маріавитское движеніе, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ. Такъ, въ теченіе послѣдняго времени маріавитами организованы въ различныхъ деревняхъ молитвенныя собранія ихъ единовѣрцевъ, привлекающія довольно большое количество членовъ какъ постоянныхъ, такъ и новыхъ. До сего времени получено разрѣшеніе на организацію молитвенныхъ собраній въ 40 слишкомъ мѣстахъ.

Между прочимъ, такія собранія устраиваются и въ Варшавѣ—на Прагѣ и привлекаютъ какъ желающихъ познакомиться съ ученіемъ маріавитовъ, такъ и цѣлыя толпы любопытныхъ, осаждающихъ зданіе, въ которомъ помѣщается часовня маріавитовъ.

Въ качествѣ второго важнаго даннаго можно отмѣтить фактъ общаго успокоенія умовъ въ маріавитскомъ вопросѣ.

Время сгладило тѣ острыя шероховатости, какія существовали нѣкоторое время въ отношеніяхъ католиковъ и маріавитовъ и показало намъ, что, съ какихъ бы сторонъ ни разсматривать новую секту, необходимо констатировать лишь фактъ увеличивающагося числа послѣдователей ученія, являющагося по существу католическимъ, но внесшаго внѣшнее и внутреннее обновленіе въ жизнь церкви. Въ этомъ отношеніи время является лучшимъ показателемъ пригодности для жизни того или иного явленія. Жизнеспособность послѣдняго—лучшая его оцѣнка.

IV.

Виленскій римско-католическій епископъ баронъ Ропцъ, во время своего пребыванія въ Римѣ изложилъ свое папско-политическое сгедо въ бесѣдѣ съ римскимъ корреспондентомъ парижской клерикальной газеты *La Croix*. Въ этой духовно-политической исповѣди высшій представитель католической церкви въ Сѣверо-Западномъ краѣ высказалъ, между прочимъ, такіе странные взгляды на будущую роль католическаго духовенства въ дѣлѣ культурно-духовнаго преобразованія и возрожденія православнаго русскаго народа, что обойти молчаніемъ эти утопическія мечты нѣтъ никакой возможности.

Баронъ Ропцъ, находить, что „въ дѣлѣ частной инициативы разрѣшенія аграрнаго вопроса—устройствомъ различныхъ союзовъ; земледѣльческихъ, взаимопомощи, кооперативныхъ и проч., большую помощь должно оказать духовенство. Католическое духовенство въ Россіи, какъ и вездѣ является вполне способнымъ и признаннымъ факторомъ возрожденія челоуѣчества. Его огромное вліяніе на народъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ православной Россіи, какъ всѣмъ извѣстно, женатое духовенство не имѣетъ никакого вліянія на народъ“.

Какъ же помочь горю? Какъ надо сдѣлать чтобы 80-милліонное русское православное крестьянство, лишенное духовныхъ вождей и руководителей, не попадалось на удочку перваго встрѣчнаго политическаго агитатора, который бросаетъ темную массу въ омутъ разрушительной анархіи, извѣстной подъ именемъ „аграрныхъ волненій“.

Дѣло, по словамъ бар. Роппа, очень просто: „Если бы католическіе миссіонеры, прониклись запросами русской души, посвятили себя славянскому требнику и понесли въ русскія народныя массы основы христіанской жизни, то не прошло бы и 20 лѣтъ, какъ большая часть Россіи сдѣлалась бы католической“.

Баронъ Роппъ не ручается, однако, что „это завоеваніе обошлось бы безъ пролитія крови, ибо жизнь нагромоздила слишкомъ много предразсудковъ, которые выступили бы противъ этого спасительнаго дѣла“. Но это ничуть не смущаетъ епископа—завоевателя, который „глубоко убѣжденъ, что побѣда была бы обезпечена“.

Такъ какъ означенное интервью было перепечатано въ № 296 *Курьера Литовскаго*, органъ барона Роппа, то въ вѣрности передачи сотрудникомъ *La Croix*. словъ епископа не имѣемъ основанія сомнѣваться. А если эти удивительныя рѣчи дѣйствительно произнесъ баронъ Роппъ, католическій глава огромнаго края, человѣкъ претендующій на большой государственный умъ, то приходится только руками развести отъ удивленія и даже, если хотите, отъ возмущенія.

Въ русскій народъ, который епископъ Роппъ, очевидно, принимаетъ за стадо языческихъ барановъ, нѣчто въ родѣ африканскихъ дикарей, онъ совѣтуетъ послать отважныхъ миссіонеровъ для проповѣдыванія христіанской истины и, само собою разумѣется, свѣтской власти и непогрѣшимости папы...

Но бар. Роппъ совершенно забылъ уроки исторіи. Римъ всегда смотрѣлъ на Россію, какъ на будущую добычу католицизма и никогда не упускалъ случая предложить русскимъ царямъ церковную унію, хотя всегда съ одинаковымъ неуспѣхомъ. Иоаннъ Грозный отвергъ предложеніе іезуита Антонія Поссевина, и даже Лжедимитрій, этотъ ставленникъ поляковъ, отказался водрузить въ Россіи знамя католицизма.

Какой же успѣхъ отъ своей „кровопролитной“ новой миссіонерской дѣятельности на русской тысячелѣтней православной нивѣ сулитъ себѣ теперь виленскій епископъ—завоеваніемъ?

А. П.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Торговый Домъ

Лобановъ и К^о.

Имѣеть честь довести до свѣдѣнія священниковъ
и старость церковныхъ приходовъ епархіи,

что ввиду прекращенія торговли
церковною утварию,

Назначается съ 1-го Августа сего года

РАСПРОДАЖА

кадилъ, крестовъ молебныхъ и вынос-
ныхъ, паникадилъ, вѣнцовъ, подвѣч-
никовъ, свѣчей металлическ., чашъ
серебрян. для причастія, чашъ водо-
святныхъ, ковчеговъ, хоругвей брон-
зов. и суконныхъ, лампадъ, евангелій,
блюдъ антидорныхъ, дароносицъ, пани-
хидницъ и тому подобной церковной
утвари по фабричнымъ цѣнамъ.

Съ почтеніемъ *Лобановъ и К^о.*

ИКОНОСТАСНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННО-ИКОНОПИСНАЯ И ПОЗОЛОТВАЯ

МАСТЕРСКАЯ

Архитектора ЯКОВА ВАСИЛЬЕВИЧА ПАУЧЕНКО.

Въ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ, Верхнедонская улица собствен. домъ.

Существуетъ съ 1861 года.

НАГРАДЫ:

Отъ Московскаго художественнаго общества серебряная медаль.
За выставку въ ЕлисаветградѢ серебряная медаль.

ИМПЕРАТОРСКАЯ выставка въ Ростовѣ н/Д 18 сентября 1907 г.
золотая медаль.

Въ мастерской принимаются заказы на всѣ церковныя работы, какъ-то: образа съ живописными, золочеными, цированными и чеканными фонами (кисти художниковъ и живописцевъ), украшеніе церквей священно-историческою живописью и орнаментами (стѣнная живопись). Устройство кіотовъ, футляровъ, рамъ, новыхъ иконостасовъ сплошь золоченыхъ, крашеныхъ масляными красками, съ золочеными колоннами и орнаментами, дубовыхъ рѣзныхъ (по проектамъ архитектора), перезолота старыхъ и реставрація старинныхъ иконостасовъ, а также принимаются работы по сооруженію новыхъ церквей, ремонту старыхъ, кирпичныхъ и деревянныхъ.

Всѣ работы производятся художественно, вполнѣ согласно съ стилемъ и устройствомъ, принятыми нашею православною церковью, подѣ личнымъ наблюденіемъ архитектора Паученко. Вслѣдствіе постоянно большого числа заказовъ, я имѣю возможность готовить всѣ работы по выгодной цѣнѣ.

Лица, обращающіяся въ мастерскую съ записками, немедленно получаютъ: цѣны, смѣты, рисунки и проекты. За принятіемъ заказовъ являюсь я самъ лично или присылаю довѣреннаго и совладѣльца своего А. П. Осмеркина.

✠ ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ ✠

Стефана Θεодоровича

ЕРМАКОВСКАГО

въ г. Черкассахъ, Кіевской губерніи.

Принимаетъ заказы новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, церковныхъ и домашнихъ, ремонтировку старыхъ иконостасовъ, покраску и роспись церквей живописью и фресковыми орнаментами;

На всевозможную живопись и чеканку, а также на картины масляными красками разныхъ сюжетовъ и малярныя домовыя работы.

Все вышепоименованное исполняю добросовѣстно, по умѣреннымъ цѣнамъ и выполняю въ срокъ.

Исполнялъ иконостасныя работы въ Полтавскомъ каведральному собору.

За доброкачественность моихъ работъ имѣю много аттестатовъ.

Фирма существуетъ съ 1879-го года.

СОДЕРЖАНІЕ. I. Церковныя изображенія. (Продолженіе).—II. Въ Переяславѣ (Окончаніе).—III. 17 Сентября въ мѣстечкѣ Сѣнчѣ, Лохвицкаго уѣзда.—IV. Невольное признаніе.—V. Новѣйшія теченія въ римско-католической церкви.—VI. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи | В. Терлецкій.
| В. Конопатовъ.

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры. 10 октября 1907 г.

Полтава, Типогр. Торговаго Дома И. Фришбергъ и С. Зороховичъ.

С В Ъ Д Ъ Н І Я

о лицахъ состоящихъ на службѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Полтавской Епархіи въ началѣ 1907—1908 учебнаго года.

(Окончаніе).

Въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ.

1) Смотритель училища, Протоіерей Григорій Яковлевичъ Лисовскій, 62 лѣтъ, студентъ Полтавской духовной семинаріи 1867 года, 29 декабря того же года рукоположенъ во діакона къ церкви Полтавскаго Кадетскаго Корпуса, съ 28 декабря 1873 года и. д. смотрителя Полтавскаго духовнаго училища, 6 января 1874 года рукоположенъ въ санъ священника къ училищной церкви, съ 22 апрѣля 1890 года протоіерей, 23 ноября 1890 года утвержденъ смотрителемъ Полтавскаго духовнаго училища, съ 20 октября 1884 года—членъ Полтавскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта, съ 19 ноября 1890 года предсѣдатель эмеритальной кассы духовенства Полтавской епархіи и съ 16 іюня 1903 года предсѣдатель Св. Макаріевскаго Братства. Имѣетъ знаки отличія: Св. Анны 2 и 3 степени Св. Владиміра 4 степени, палицу и Св. Владиміра 3 степени.

2) Помощникъ смотрителя училища, Стефановскій Иванъ Ивановичъ, статскій совѣтникъ, 53 лѣтъ, кандидатъ богословія Кіевской духовной академіи 1884 года, съ 23 ноября того же года преподаватель священной исторіи въ параллельныхъ классахъ училища, съ 28 іюня 1888 года помощникъ смотрителя Полтавскаго духовнаго училища. Жена, имѣетъ въ семействѣ двухъ дочерей и сына. Знаки отличія: орденъ Св. Анны 3 степени и Св. Станислава 2 степени.

П р е п о д а в а т е л и .

3) Поликарповъ Николай Константиновичъ, преподаватель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ 1-хъ клас-

сахъ, надворный совѣтникъ 52 лѣтъ, студентъ Орловской духовной семинаріи 1877 года, съ 15 ноября того же года надзиратель Переяславскаго духовнаго училища, съ 25 апрѣля 1878 г. надзиратель Полтавскаго духовнаго училища, съ 20 октября 1879 г. учитель латинскаго языка того же училища, съ 19 августа 1885 года учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ 1-хъ классовъ того же училища. Холостъ. Знаки отличія: Св. Анны 3 степени и Св. Станислава 3 и 2 степени.

4) Андрущенко Иванъ Васильевичъ, стат. совѣтникъ, 45 л., кандидатъ Кіевской духовной академіи 1888 г., съ 21 сентября 1889 года учитель русскаго и церковно-славянскаго языковъ Переяславскаго духовнаго училища, съ 23 октября 1889 года состоитъ членомъ Православнаго Миссіонерскаго общества, съ 17 ноября 1900 года учитель греческаго языка въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ, членъ совѣта Св. Макарьевскаго Братства Полтавской епархіи, съ 5 апрѣля 1907 года состоитъ членомъ и дѣлопроизводителемъ Правленія училища. Женатъ, имѣеть въ семействѣ дочь. Знаки отличія: орденъ св. Анны 3 степени.

5) Илляшевичъ Лаврентій Викторовичъ, учитель географіи и ариѳметики, надворный совѣтникъ 52 л., студентъ Полтавской духовной семинаріи 1879 года, съ 16 сентября по 19 ноября 1879 года псаломщикъ церкви с. Сергѣевки, Полтавской губерніи, съ 20 ноября того же года надзиратель за учениками Полтавскаго духовнаго училища, съ 7 іюля 1880 года учитель географіи и ариѳметики того же училища, съ 13 ноября 1895 года состоитъ старшимъ учителемъ. Женатъ, имѣеть 4 дочери. Знаки отличія: Св. Анны и Св. Станислава 3 степени.

6) Селинъ Василій Стефановичъ, 36 лѣтъ, коллежскій совѣтникъ, кандидатъ богословія Кіевской духовной академіи 1896 года, съ 7 сентября того же года частный преподаватель Закона Божія въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ, съ 11 декабря 1897 года штатный преподаватель Закона Божія въ параллельныхъ классахъ того же училища. Холостъ. Знаки отличія: орденъ Св. Станислава 3 степени.

7) Фіалковскій Назарій Феодоровичъ, преподаватель русскаго языка съ церковно-славянскимъ, 35 лѣтъ, коллежскій совѣтникъ, кандидатъ богословія С.-Петербургской духов-

ной академіи 1897 года, съ 8 августа 1898 г. учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ старшихъ классахъ Полтавскаго духовнаго училища. Холостъ.

8) Ивановъ Григорій Трофимовичъ, преподаватель латинскаго языка, 37 лѣтъ, коллежскій совѣтникъ, кандидатъ богословія Кіевской духовной академіи 1896 года, съ 19 марта 1897 года преподаватель Бѣжецкаго духовнаго училища, съ 1 ноября 1899 года преподаватель латинскаго языка въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ. Женатъ, имѣетъ дочь и сына. Знаки отличія: орденъ Св. Станислава 3 степени.

9) Соколовъ Алексѣй Петровичъ, кандидатъ богословія Казанской духовной академіи 1903 года, 27 лѣтъ, съ 19 августа 1904 года учитель географіи и ариметики въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ. Женатъ, имѣетъ двухъ сыновей.

10) Явойскій Александръ Александровичъ, учитель греческаго языка, 29 лѣтъ, кандидатъ Кіевской духовной академіи 1903 года, съ 21 августа 1903 года помощникъ инспектора Новгородской духовной семинаріи, съ 4 ноября 1904 года учитель греческаго языка въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ. Женатъ, имѣетъ сына.

11) Яновскій Петръ Петровичъ, 38 лѣтъ, учитель приготовительнаго класса, надворный совѣтникъ, студентъ Полтавской духовной семинаріи 1889 года, съ 7 сентября 1890 года надзиратель за учениками Полтавскаго духовнаго училища, съ 16 августа 1903 года учитель приготовительнаго класса того же училища. Холостъ. Знаки отличія—орденъ Св. Станислава 3 степени.

12) Лебединскій Иванъ Ивановичъ, 31 года учитель пѣнія, окончилъ курсъ Полтавской духовной семинаріи въ 1897 году, съ 13 ноября 1897 года учитель земскаго народнаго училища с. Матіашевки, Миргородскаго уѣзда, съ 14 августа 1900 года учитель пѣнія и музыки Александрониколаевской церковно-учительской школы на полѣ Полтавской битвы, со 2 сентября учитель пѣнія въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ. Женатъ, имѣетъ сына.

13) Кульчицкій Антонъ Константиновичъ, учитель чистописанія и рисованія съ 1878 года, коллежскій регистраторъ. Женатъ.

Надзиратели.

14) Тимошевскій Іаковъ Θεодоровичъ 54 лѣтъ, окончилъ курсъ Полтавской духовной семинаріи въ 1875 году, съ 5 сентября 1875 года народный учитель с. Туровки, Полтавской губерніи, съ 25 іюля 1876 года надзиратель за учениками Полтавскаго духовнаго училища, съ 25 іюня 1878 года рукоположенъ въ санъ священника с. Гонцовъ, Полтавской епархіи, съ 30 ноября 1888 года вторично поступилъ надзирателемъ Полтавскаго духовнаго училища. Женатъ, имѣеть двухъ дочерей и сына. Знаки отличія: 6 мая 1899 года награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ отъ Св. Синода выдаваемымъ.

15) Мильгевскій Александръ Петровичъ, 27 лѣтъ, студентъ Полтавской духовной семинаріи 1902 года, съ 30 августа 1902 г. надзиратель за учениками Полтавскаго духовнаго училища. Холостъ.

16) Степановъ Иванъ Симоновичъ, 27 лѣтъ, студентъ Полтавской духовной семинаріи 1902 года, съ 26 августа 1903 года надзиратель Полтавскаго духовнаго училища. Холостъ.

17) Тихоновичъ Кириллъ Захарьевичъ, 23 лѣтъ, студентъ Полтавской духовной семинаріи, съ 1 сентября 1904 года учитель Гурбинской второклассной учительской школы, съ 19 августа 1906 года надзиратель за учениками Полтавскаго духовнаго училища. Холостъ.

Б. Въ Роменскомъ духовномъ училищѣ.

1) Смотритель училища Протоіерей Димитрій Дмитревскій, 44 лѣтъ, кандидатъ богословія Московской духовной академіи выпуска 1888 года; съ 17 іюня 1888 г. преподаватель библейской, общей и русской церковной исторіи Полтавской духовной семинаріи; съ 7 октября 1899 года смотритель Роменскаго духовнаго училища; 3 ноября того же года рукоположенъ въ санъ священника; съ 15 іюня 1900 года—Протоіерей и настоятель Роменскаго Собора; съ 18 февраля 1902 года предсѣдатель Роменскаго Отдѣленія епархіальнаго училищнаго Совѣта. Женатъ, имѣеть дочь и сына. Награды: набедренникъ, скуфья, камплавка, наперсный крестъ и библия. Знаки отличія: ордена Св. Станислава и Св. Анны 3 степени.

2) Помощникъ смотрителя училища Василій Антоновичъ Вербицкій, статскій совѣтникъ, 42 лѣтъ, кандидатъ богословія С.-Петербургской духовной академіи выпуска 1889 года; съ 29 августа 1891 года учитель ариѳметики и географіи Великолуцкаго духовнаго училища; съ 14 марта 1900 года помощникъ смотрителя Роменскаго духовнаго училища; съ 30 апрѣля 1902 года членъ Роменскаго уѣзднаго Отдѣленія Епархіальнаго училищнаго Совѣта. Женатъ, имѣеть двухъ сыновей. Знаки отличія; ордена Св. Станислава 2 степени и Св. Анны 3 степени.

Преподаватели:

3) Кудрявцевъ Иванъ Емельяновичъ, учитель русскаго и церковно-славянскаго языка, статскій совѣтникъ, 42 лѣтъ, кандидатъ богословія Кіевской духовной академіи выпуска 1892 года; съ 14 января 1893 года учитель русскаго и церковно-славянскаго языка въ Роменскомъ духовномъ училищѣ; съ 9 сентября 1903 года членъ Роменскаго уѣзднаго Отдѣленія Полтавскаго Епархіальнаго училищнаго Совѣта. Холостъ. Знаки отличія: орденъ Св. Станислава 3 степени.

4) Букшованный Василій Ивановичъ, учитель греческаго языка и краткой русскаго исторіи въ 3 классѣ, надворный совѣтникъ, 50 лѣтъ, студентъ Полтавской духовной семинаріи выпуска 1879 года; съ 5 декабря 1880 года учитель греческаго языка Роменскаго духовнаго училища; съ 14 апрѣля 1898 года членъ Роменскаго уѣзднаго Отдѣленія Епархіальнаго училищнаго Совѣта; съ 21 октября 1906 года учитель краткой русскаго исторіи въ 3 классѣ училища. Холостъ. Знаки отличія: ордена Св. Станислава и Св. Анны 3 степени.

5) Бутовскій Николай Захаревичъ, учитель латинскаго языка, краткой русскаго исторіи въ 4 классѣ и гимнастики, надворный совѣтникъ, 53 лѣтъ, студентъ Полтавской духовной семинаріи выпуска 1878 года; съ 21 сентября того же года учитель Роменскаго духовнаго училища. Женатъ, имѣеть двухъ сыновей и дочь. Знаки отличія: ордена Св. Станислава и Св. Анны 3 степени.

6) Никольскій Василій Сергѣевичъ, учитель ариѳметики, географіи и природовѣдѣнія, статскій совѣтникъ, 46 лѣтъ, кандидатъ богословія С.-Петербургской духовной академіи

выпуска 1886 года; съ 7 марта 1888 года учитель православнаго катихизиса и церковнаго устава въ 3 классѣ Калужскаго духовнаго училища; съ 22 декабря 1888 года помощникъ смотрителя того же училища; съ 6 сентября 1903 года преподаватель латинскаго языка Пензенской духовной семинаріи; съ 27 сентября 1903 года преподаватель ариѳметики и географіи Роменскаго духовнаго училища. Женатъ, разведенъ съ женою, имѣеть сына. Знаки отличія: ордена Св. Анны 3 степени и Св. Станислава 2 степени.

7) Трояновскій Александръ Константиновичъ, учитель приготовительнаго класса, надворный совѣтникъ, 50 лѣтъ, воспитанникъ Полтавской духовной семинаріи выпуска 1880 года; съ 27 сентября того же года учитель приготовительнаго класса Роменскаго духовнаго училища. Холостъ. Имѣеть ордена: Св. Станислава и Св. Анны 3 степени.

8) Нееловъ Иванъ Ѳеодоровичъ, учитель церковнаго пѣнія, черченія, рисованія и музыки, коллежскій секретарь, 30 лѣтъ, воспитанникъ Полтавской духовной семинаріи выпуска 1900 года; съ 7 августа того же года учитель пѣнія въ Роменскомъ духовномъ училищѣ; съ 15 октября 1903 года членъ и дѣлопроизводитель Правленія того же училища; съ 21 октября 1906 года учитель черченія въ томъ же училищѣ. Женатъ.

9) Данилевскій Іоаннъ Ѳеодоровичъ, священникъ, учитель чистописанія, 66 лѣтъ, воспитанникъ Полтавской духовной семинаріи выпуска 1863 года, съ 6 декабря 1865 года священникъ, съ 13 сентября 1875 года учитель чистописанія въ Роменскомъ духовномъ училищѣ. Женатъ, имѣеть сына и трехъ замужнихъ дочерей. Награды: набедренникъ скуфья, камилавка и наперстный крестъ.

Надзиратели за воспитанниками.

10) Храповъ Борисъ Васильевичъ, надворный совѣтникъ, 41 года, студентъ Полтавской духовной семинаріи выпуска 1887 года; съ 30 марта 1888 года надзиратель за воспитанниками въ Роменскомъ духовномъ училищѣ; съ 14 апрѣля 1898 года членъ Роменскаго уѣзднаго Отдѣленія Епархіальнаго училищнаго Совѣта. Холостъ. Имѣеть орденъ св. Станислава 3 степени.

11) Демчинскій Николай Степановичъ, надворный совѣтникъ, 40 лѣтъ, студентъ Полтавской духовной семинаріи

выпуска 1887 года, съ 21 іюня 1889 года надзиратель за воспитанниками Роменскаго духовнаго училища; съ 14 августа 1900 года членъ Роменскаго уѣзднаго Отдѣленія Епархіальнаго училищнаго Совѣта. Холостъ. Имѣеть орденъ св. Станислава 3 степени.

12) Николай Ивановичъ Ольдекопъ, врачъ, коллежскій совѣтникъ, 45 лѣтъ, съ 3 ноября 1891 г. земскій врачъ Роменскаго уѣзда, съ 9 мая 1899 г. врачъ Роменскаго духовнаго училища. Женатъ, имѣеть троихъ дочерей. Знаки отличія: орденъ Св. Анны 3 степени и Св. Станислава 2 степени.
